

ASSASSIN'S CREED

ОДИССЕЯ

ГОРДОН ДОГЕРТИ

Assassin's Creed

Гордон Догерти

Assassin's Creed. Одиссея

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Догерти Г.

Assassin's Creed. Одиссея / Г. Догерти — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Assassin's Creed)

ISBN 978-5-389-16536-6

Юная Кассандра воспитывается по суровым законам Спарты, она должна стать воином, не знающим страха и пощады. Когда у Кассандры появляется младший брат Алексиос, жажда битв и свершений уступает в ее душе место любви. Но внезапное предсказание оракула обрекает Алексиоса на смерть – если он останется жив, то погибнет вся Спарта. Пытаясь предотвратить неизбежное, Кассандра навлекает на себя гнев соотечественников и оказывается изгнанной из родного города. Ее ждет судьба наемницы – и пешки в игре могущественных и загадочных сил. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16536-6

© Догерти Г., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Пролог	7
1	10
2	18
3	27
4	34
5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Гордон Догерти Assassin's Creed Одиссея

Gordon Doherty
ASSASSIN'S CREED: ODYSSEY

© 2019 Ubisoft Entertainment. All Rights Reserved.

Assassin's Creed, Ubisoft and the Ubisoft logo are registered or unregistered trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

* * *

Моей семье

Моя огромная благодарность Кэролайн, Энтони, Ануку, Мелиссе, Аймару, Клеманс, Стефани-Энн, Джонатану, Миранде, Саре и Бобу Швагерам, а также сотрудникам компании «Ubisoft» и издательства «Penguin», давшим мне шанс погрузиться в мир «Assassin's Creed». Это было на редкость увлекательное путешествие, и я высоко оценил ваше умелое руководство и поддержку. Столь же горячо благодарю Джеймса Уиллса – моего литературного агента из «Watson, Little Ltd» за помощь в осуществлении этого приключения.

Пролог

Спарта

Зима 451 г. до н. э.

Семь лет я носила в себе тайну. Словно огонь, она согревала меня изнутри каким-то чистым теплом. Никто другой не видел этой тайны. Стоило мне взглянуть на отца с матерью, и я чувствовала, как пламя разгорается сильнее, а когда я смотрела на маленького брата, тепло разливалось по всему моему телу. Однажды я решилась поделиться своей тайной с матерью.

— Кассандра, ты говоришь о любви, — прошептала мать, боязливо озираясь, нет ли рядом чужих ушей. — Но не о той, что ведома спартамцам. Они должны любить только свою землю, государство и богов. Поклянись, что не раскроешь эту тайну никому, — потребовала она, сжимая мне руки.

И я поклялась.

Одним ненастным зимним вечером, когда за стенами дома бушевала буря, наша семья собралась возле пылающего очага. Мама держала на руках маленького Алексиоса. Я устроилась у ног отца. Может, и внутри моих близких горело такое же пламя? Ответа я не знала, но надеялась, что так и есть.

А потом в тепло нашего святилища проник звук ногтей, царапающих дверь. Мать крепко прижала к себе Алексиоса и посмотрела на дверь так, словно за ней, в темноте, прятался демон.

— Николаос, пора, — произнес снаружи голос, похожий на хруст пергамента.

Отец встал, набросив на мускулистое тело плащ кроваво-красного цвета. Густая черная борода не позволяла разглядеть выражение его лица.

— Подожди еще немного, — взмолилась мать.

Она тоже встала, протянув руку к густым отцовским кудрям.

— Зачем ждать, Миррин? — резко спросил отец, отталкивая ее руку. — Тебе известно, что должно произойти нынешним вечером.

С этими словами он шагнул к двери, подхватив по дороге копье. Дверь со скрипом приоткрылась. Едва ступив за порог, отец попал под струи холодного дождя. Стонал ветер, высоко в небе грохотал гром. Мы с матерью вышли вслед за отцом, ибо он был нашим щитом.

И тогда я увидела их.

Они стояли полукругом, напоминая лезвие серпа, и смотрели на нас. Жрецы, обнаженные по пояс, с лавровыми венками на лбу. Эфоры в серых одеждах и с факелами в руках. Ветер норовил загасить пламя факелов, а дождь заставлял его трещать и шипеть. Могуществом своим эфоры превосходили даже двух царей Спарты. Длинные седые волосы старшего эфора бились на ветру, лысая макушка блестела в лунном свете. Глаза его были налиты кровью. Губы эфора расплылись в пугающей улыбке, обнажив старческие зубы. Когда мы вышли, он повернулся, молча приказав нам следовать за процессией. Мы двинулись по улицам Питаны — одного из пяти священных спартанских селений, где прошло мое детство. Мы даже не успели выйти за пределы городка, а я уже насквозь промокла и продрогла.

Эфоры и жрецы шли по Священной земле, монотонно напевая что-то себе под нос. Буря заглушала их голоса. Отец шагал, опираясь на древко копья, как на посох. Подражая ему, я

опиралась на свое полукопье, тупой конец которого при каждом шаге со скрипом погружался в раскисшую глину. Этот «посох» наполнял меня странным возбуждением, ибо был обломком копья, некогда принадлежавшего Леониду – царю и защитнику Спарты, погибшему давным-давно. Все жители Лаконии почитали нашу семью, поскольку в наших жилах со стороны матери текла кровь Леонида. Он был нашим дедом по материнской линии, а мы – потомками великого человека, героя Фермопильского сражения. Однако моим героем был отец, учивший меня силе, проворству и стойкости, в чем я не уступала любому спартанскому мальчишке. А вот силе разума, которая в дальнейшем мне остро понадобилась, он меня не учил. Да и вряд ли бы сыскался во всей Элладе наставник, способный научить этому...

Тропа вела нас вверх по склону, к одной из вершин цепи Тайгетских гор, покрытых снежными шапками и изобиловавших глубокими ущельями. Странное это путешествие казалось совершенно бессмысленным. Вот уже несколько месяцев меня не покидали тревожные ощущения. Все началось осенью, когда родители отправились в Дельфы на разговор с оракулом. Они не поделились со мной услышанным от великой прорицательницы, но я догадывалась: должно быть, пифия предсказала им грядущие беды. Отец после возвращения отстранился и стал раздраженным, а мать как будто потеряла интерес к жизни. Ее глаза утратили прежний блеск, став похожими на куски безжизненного стекла.

Идя вслед за жрецами и эфорами, мать частенько надолго прикрывала глаза. По ее щекам стекали струйки дождя. Она крепко прижимала к себе Алексиоса, через каждые несколько шагов целуя одеяло, в которое был завернут младенец. Я в беспокойстве смотрела на нее. В какой-то момент, заметив мой встревоженный взгляд, мать судорожно вдохнула и передала ребенка мне со словами:

– Понеси теперь братика ты, Кассандра...

Полукопье я привязала к поясу, взяла Алексиоса и понесла, крепко прижимая к себе. Склон, по которому мы поднимались, становился все круче. Где-то поблизости оглушительно грохотал гром. Молнии разрывали небо. Дождь сменился ледяной крупой. Из складок одеяла я соорудила нечто вроде навеса, уберегая личико брата от колющих льдинок. Его кожа была смазана душистым маслом. От легких, как пух, пеленок исходил приятный, успокаивающий запах. Дыхание Алексиоса согревало мое озябшее лицо. Его слабые ручонки теребили мои волосы. Младенец что-то лопотал. Я ему отвечала.

Наконец мы достигли плоской вершины. В дальнем конце высился алтарь из мрамора с голубыми прожилками. Время и природные стихии сделали его поверхность шербоной. В углублении, защищенном от ветра, дрожало пламя свечи. Рядом стоял горшочек с маслом, чаша с вином, покрытым мелкими льдинками, и блюдо с виноградом.

Мать остановилась как вкопанная. Из груди ее вырвались сдавленные рыдания.

– Миррин, не будь такой слабой, – раздраженно упрекнул ее отец.

Я почувствовала, как внутри ее разгорается пламя. – Слабой? Да как у тебя язык поворачивается такое говорить, Николаос? Столкновение с истинными чувствами требует мужества. А слабые прячутся под масками смелости.

– Это не по-спартански, – процедил сквозь зубы отец.

– Встаньте подле алтаря, – велел кто-то из жрецов, чья впалая грудь блестела от дождя и тающего снега.

Мне не хотелось рассматривать старинный алтарь... Я уж не говорю про обрыв, начинавшийся в нескольких шагах от него. Там царил тьма, скрывавшая глубокую пропасть.

– Давай сюда ребенка, – приказал старший эфор. Пряди его седых волос бешено плясали на ветру.

Глаза сверкали, как раскаленные угли. Он протянул ко мне костлявые руки. Только сейчас мне открылась зловещая цель нашего путешествия на гору, и я почувствовала тяжесть, сдавливающую плечи.

– Отдай мне брата, – повторил эфор.

От ужаса у меня мгновенно пересохло во рту.

– Мама? Отец? – выкрикнула я.

Мать шагнула к отцу и положила руку на его широкое плечо в немой мольбе. Но отец не шелохнулся. Он был безучастен, как скала.

– Нам известны слова оракула, – хором затянули жрецы. – Спарта падет... если этот младенец не будет принесен в жертву.

Ужас пронизал меня от головы до пят. Крепче прижав к себе маленького Алексиоса, я сделала шаг назад. Мой братишка был сильным и здоровым. Зачем же ему разделять жестокую участь спартанских младенцев, родившихся больными или уродливыми? Неужели таковы были слова дельфийской прорицательницы? Кто дал ей власть обрекать Алексиоса на гибель? Почему отец до сих пор не плюнул на ее мрачное повеление и не поднял копье на кучку тщедушных старцев? Вместо этого он лишь оттолкнул маму, и та повалилась на землю, словно рогожный мешок.

– Нет... нет! – с рыданиями повторяла несчастная женщина, когда двое жрецов оттаскивали ее от алтаря. – Николаос, прошу тебя, сделай хоть что-нибудь!

Взгляд отца сделался стеклянным.

Какой-то жрец схватил меня сзади за плечи. Второй вырвал из моих рук Алексиоса и передал старшему эфору. Тот принял сверток, будто сокровище, и затянул нараспев:

– Могуущественный Аполлон, дарующий истину, великая Афина, покровительница городов и государств... воззрите на нас, склоняющихся перед вашей волей, смиренных и благодарящих вас за мудрость. А теперь... этот ребенок умрет.

Эфор поднял Алексиоса над головой и, миновав алтарь, остановился на краю пропасти.

Мать упала на колени. Ее пронзительный крик разрывал мне сердце.

Тело эфора напряглось. Он приготовился отправить моего брата навстречу смерти. В этот момент небо перечеркнула яркая молния. За ней последовали чудовищные раскаты грома. Казалось, молния ударила в меня. Я вдруг почувствовала необычайный прилив сил и осознала громадную несправедливость происходящего. Закричав во всю мощь легких, я вырвалась из цепких рук жреца. словно бегунья на состязаниях, я рванулась вперед, в безумном отчаянии протягивая руки к брату. Время замедлилось. Я встретилась взглядом с мальшиом Алексиосом. Если можно было бы вплавить это мгновение в янтарь и остаться в нем навсегда, я бы непременно это сделала. Мгновение, где мы оба живы, связанные родственными узами. В тот миг я еще надеялась, что сумею схватить брата и спасти от неминуемой гибели. Но я споткнулась, потеряла равновесие и ударилась плечом о бок старого эфора. Послышались испуганные возгласы. Эфор взмахнул руками и, опрокинувшись, упал с обрыва... вместе с Алексиосом.

Оба скрылись в темноте. Крик эфора был похож на вопль демона, но быстро стих.

Я упала на колени возле самого края обрыва. Вокруг меня раздавались негодующие возгласы. Они становились все громче и безумнее, перемежаясь с проклятиями.

– Убийца!

– Она убила эфора!

Оцепенев, я смотрела в пропасть, подставив лицо хлестким струям ледяного дождя.

1

По ее щекам текли струйки морской воды. Стоя с закрытыми глазами, она вновь с ужасающей ясностью видела картины прошлого, запятнавшие и навсегда опозорившие династию Леонида. Двадцать лет. Для некоторых – вполне достаточный срок, чтобы забыть свои долги, сжиться с недостатками и примириться с прошлым.

– Только не для меня, – прошептала Кассандра, и полукопье в ее руках задрожало.

Она резко воткнула оружие в песок. Воспоминания померкли.

Кассандра медленно открыла глаза, привыкая к яркому солнцу весеннего утра. Лазурные воды, омывающие восточные берега острова Кефалиния, искрились, словно чаша с драгоценными камнями. Пенистые волны прилива накатывали на песок, теряли силу и превращались в прохладные булькающие ручейки, которые мягко перекатывались через босые ступни Кассандры. Мягкие облачка тумана, насыщенного соленой влагой, приятно охладили кожу. В безоблачном небе с громкими криками носились вечно ссорящиеся чайки. Большой баклан нырял в прозрачные воды, выискивая добычу. Восточная часть горизонта терялась в туманной дымке. В ней же скрывались афинские галеры, плывшие нескончаемой вереницей. Их силуэты скользили по более глубоким темно-синим водам, двигаясь в сторону Коринфского залива и дальше – к блокированной Мегаре. Яркие паруса раздувались, как легкие титанов. Ветер постоянно доносил скрип снастей и хриплые голоса многочисленных воинов, плывших на галерах. В начале года Кефалиния вместе с другими островами оказались под властью Афин. Война разрасталась, как раковая опухоль. Порой тихий голос внутри Кассандры призывал ее не оставаться безучастной к колоссальной смуте, захлестнувшей Элладу. Различия в идеологиях заставляли города-государства – недавних союзников – вцепляться друг другу в глотку. Но к кому примкнуть? Кассандра не испытывала симпатии к горделивым Афинам. Противостояла же им... непоколебимая Спарта.

Спарта.

Само это слово, проникнув в мысли молодой женщины, разрушило окружающую ее идиллию. Кассандра искоса посмотрела на полукопье Леонида с железным наконечником, увенчанным крыльями. Вдоль лезвия вился затейливый узор. Древко, обломанное до половины первоначальной длины, обветшало и поблекло от постоянного натирания маслом. Раздумывая о своей судьбе, Кассандра всегда с удовлетворением отмечала, что единственная вещь, оставшаяся от обломков ее прошлого, тоже была обломком.

Пронзительный птичий крик прервал размышления Кассандры. Подняв голову, молодая женщина увидела баклана, вынырнувшего из воды. В его клюве была зажата серебристая макрель. Но к баклану стремительно приближался крапчатый орел. Испуганный баклан снова закричал, уронил полуизжеванную макрель и спешно скрылся под водой. Орел подхватил мертвую рыбину, но та выскользнула из его когтей и тоже плюхнулась в воду. Испустив громкий недовольный крик, большая птица развернулась и плавно полетела к берегу. Там, пробежав по песку, орел замер перед Кассандрой. Молодая женщина невольно улыбнулась: копье с обломанным древком было не единственным напоминанием о прошлом.

– Икар, мы же с тобой уже говорил об этом, – усмехнулась Кассандра. – Макрель ты должен был принести мне. Я бы изжарила ее для послеполуденной трапезы.

Икар внимательно смотрел на свою хозяйку. Светло-желтый клюв и умные глаза делали его похожим на недовольного старика.

– Ах вот оно что, – выгнув бровь, продолжала Кассандра. – Во всем виноват баклан.

У молодой женщины от голода заурчало в животе. Вдохнув, она выдернула из песка полукопье Леонида. На тусклой поверхности наконечника отражалось широкое лицо со светлыми глазами, почти отвыкшими улыбаться, и толстая коса медно-рыжих волос, перебро-

шенная через левое плечо. Одеждой ей служил темно-коричневый поношенный экзомис с застежкой на одном плече. Такую одежду обычно носили мужчины. Полукопье в руках Кассандры снова пробудило тягостные воспоминания, поэтому она торопливо привязала его к кожаному поясу, встала и повернулась, намереваясь уйти с берега.

Однако что-то привлекло внимание молодой женщины, заставив остановиться. Зрелище поражало своей неуместностью, словно пьяница, вздумавший учтиво себя вести. В морской дымке по волнам скользила галера. Одна из сотен. Но судно двигалось не в сторону дальних мысов, окружавших вход в Коринфский залив, а держало курс на Кефалинию. Кассандра прищурилась и разглядела белый парус, украшенный головой горгоны с цепким взглядом и перекошенным гримасой лицом. Столь омерзительное изображение Кассандра видела впервые: серовато-зеленые губы, приоткрытый рот, из которого торчали клыки, глаза, сверкающие, как угли, и змеи вместо волос, извивавшиеся на ветру, словно живые. Некоторое время Кассандра смотрела на страшный рисунок. Из глубин памяти всплыла легенда о Медузе – некогда красивой и сильной женщине, преданной и проклятой богами. Кассандра на мгновение даже почувствовала легкое сострадание к несчастной. Однако изображением на парусе странности галеры не исчерпывались. Хотя палуба судна была пуста, Кассандра ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Молодая женщина поежилась.

«Спартанские дети не должны бояться темноты, холода и неизвестности», – донесся из глубин похороненной памяти знакомый голос. Отцовский голос. Кассандра плюнула на песок, повернувшись спиной к морю и странной галере. Пронизанные язвительностью воспоминания об отцовских наставлениях – это все, что осталось от некогда уважаемой семьи. Странствующие торговцы рассказывали о запустении, постигшем дом Леонида. По их словам, Миррин, лишившаяся обоих детей, не вынесла горя и покончила с собой. «Из-за содеянного мною в ту ночь», – сокрушалась Кассандра.

Покинув берег, молодая женщина прошла полосу дюн, где ветер гнул песчаный тростник, и свернула на каменистую тропку, которая вывела Кассандру на небольшой выступ, глядящий в сторону берега. Там стояла простая каменная хижина, служившая молодой женщине домом. Белые оштукатуренные стены ярко сверкали на солнце. Легкий ветер раскачивал скрипучие шесты с подобием навеса из лоскутов. Тот же ветер шелестел в листьях и гнул ветки единственного росшего поблизости оливкового дерева. Возле разрушенной колонны был небольшой пруд с проточной водой. Туда слетались на водопой весело чирикающие зеленушки. До ближайшего города Сами было несколько часов ходу. Путники в этих местах появлялись редко. «Прекрасное место, чтобы окончить свою жизнь в одиночестве», – подумала Кассандра. Прежде чем войти в дом, она снова повернулась к морю. На горизонте проступали неясные очертания материка. «Как сложилась бы моя жизнь, не окажись прошлое таким жестоким?»

Нагнувшись под низкой притолокой, Кассандра вошла в свое жилище. Неутихающий бриз остался за порогом. Скромная обстановка единственной комнаты состояла из деревянной кровати, стола с охотничьим луком и сундука, где лежали старый плащ и сломанный гребень из слоновой кости. Никто не сажал Кассандру в клетку, на руках и ногах молодой женщины не бренчали кандалы, однако несчастная жила будто в тюрьме, где надсмотрщицей была нищета. Надежда когда-либо покинуть остров существовала лишь для богатых.

Кассандра опустила на стоявшую возле стола табуретку, налила воды из глубокой глиняной чаши, потом взялась за кожаный сверток, хранивший нехитрые припасы: черствый, как камень, ломоть хлеба, тонкий кусочек соленой зайчатины и три оливки в глиняном горшочке. Скудная трапеза. В животе Кассандры вновь возмущенно заурчало – желудок желал знать, куда подевались остальные припасы.

Из окошка в задней стене дома было хорошо видна яма, служившая молодой женщине погребом. Вплоть до вчерашнего дня там хранились два мешка пшеницы, целый соленый заяц, круг козьего сыра и дюжина сушеных фиг. Такого пропитания хватило бы на пять-шесть дней.

Но вчера, возвращаясь после неудачной рыбалки, Кассандра заметила спины двух воров, уносящих скудные припасы беглянки. Молодая женщина была слишком голодна, чтобы пускаться в погоню. Пришлось ложиться спать на пустой желудок. Кассандра рассеянно провела подушечкой большого пальца по кромке остро заточенного лезвия полукопья. На пальце выступила кровь.

– Чтоб тебе вечно гореть в огне, Циклоп, – прошипела молодая женщина имя ее нынешнего истязателя, подославшего воров.

Кассандра принялась за еду. Размочила хлеб в остатках оливкового масла и поднесла ко рту. Рука замерла: вновь раздалась скорбная песнь голодного желудка, но на этот раз – чужого. Кассандра оглянулась – в дверях стояла маленькая девочка и смотрела на жалкий кусок хлеба так, как иной взирал бы на браслет из чистого золота.

– Феба! – воскликнула Кассандра. – Давненько тебя не было.

– Не обращай на меня внимания, Касс, – ответила гостья, разглядывая грязь под ногтями.

Оставив ногти в покое, девчонка закинула за уши прядки темных волос и принялась теревить обтрепанный подол своей грязной топы, давно потерявшей изначальный белый цвет.

На приступок окна, заслоня дневной свет, опустился Икар. Как и Феба, орел с надеждой смотрел на скудную еду, но его манил ломтик соленой зайчатины. «А мне?» – слышалось Кассандре в орлином клекоте.

Невесело улыбнувшись, хозяйка дома отодвинулась от стола. Мясо она бросила Икару, а хлеб – Фебе.

Оба накинулись на еду, словно хищники на скудную добычу. Девчонке было двенадцать лет. Она родилась в Афинах и рано осиротела. Впервые Кассандра увидела ее три года назад, в предместье Сами, где та попрошайничала. Кассандра бросила несчастной несколько мелких монет и пошла в город, где у нее были дела. На обратном пути, снова увидев маленькую попрошайку, Кассандра пожалела девчонку, привела к себе, накормила и оставила на ночлег. Феба напоминала Кассандре о былых временах, пробуждала далекие воспоминания о внутреннем пламени, навсегда потухшем в тот страшный вечер. «Никакой любви, – уверяла она себя. – Больше я никогда не позволю себе подобной слабости».

Кассандра вздохнула. Встав из-за стола, она повесила на плечо лук, добавив к нему кожаный бурдюк для воды.

– Пошли. Дожуешь на ходу, – бросила молодая женщина Фебе, отправляя в рот оливки.

Нежная, сочная, соленая мякоть оливок только раздражила Кассандре аппетит, почти не утолив голода.

– Другой еды в доме нет. Чтобы не сдохнуть, придется навестить Маркоса. – «Этого подонка», – мысленно добавила Кассандра, надевая кожаные нарукавники. – Пора спросить с него кое-какие долги.

Их путь лежал на юг. Дорога, раскаленная солнцем, обогнула отвесные прибрежные скалы, а затем свернула вглубь острова. Чем ближе к полудню, тем жарче становился воздух. Сокращая себе путь, Кассандра с Фебой пересекли луг, усеянный фиалками. Вокруг терпко пахло душицей и лимоном. Луговая растительность доходила Кассандре до икр. Повсюду мелькали ярко-красные, голубые и янтарные бабочки. Невзирая на жару, громко стрекотали цикады. Ничего не напоминало ни о войне, ни о прошлом. Так продолжалось, пока две подруги не подошли к Сами. Этот портовый город был скопищем лачуг и простых домов с белеными стенами. Выше, по склонам холма, стояли мраморные виллы. Расположившись на крышах и верандах, богачи вели беседы, попивая вино. Лошади и полуголые работники, обливаясь потом, тащились по узким улочкам через шумный рынок к докам, куда они везли свой товар: от корзин с оливками до сосновых бревен. У белесых каменных причалов плотными рядами стояли грузовые корабли. Покидавшие гавань суда направлялись обычно на афинские воен-

ные верфи и склады. Звенели колокола, шелкали хлысты, наплывали и затихали звуки лиры. Из храмов тянулись сизые струйки дыма от сжигаемых благовоний. В этот город Кассандра наведывалась только за пищей и вещами первой необходимости, которые невозможно было раздобыть иным способом.

А также чтобы выполнить очередное поручение Маркоса.

Она была мисфиос. Это слово обозначало наемников обоого пола. В круг ее обязанностей входила передача посланий, сопровождение краденого... но куда чаще ей поручали дела, с которыми умели справляться немногие. Кассандра с содроганием вспоминала самое последнее из таких поручений. Маркос отправил ее в портовый притон, где скрывалась кучка известных разбойников. В ту темную ночь полу-копье Леонида впервые обагрилось кровью, а воздух наполнился зловонием вспоротых животов. Каждое убийство, словно шипастое семя вины, пускало глубокие корни в сердце молодой женщины... но ни одно поручение Маркоса не шло в сравнение с тем страшным вечером в Тайгетских горах. Перед мысленным взором молодой женщины всплыл скрюченный дуб, росший на самом краю пропасти. Две смерти, навсегда изменившие жизнь Кассандры.

Она резко тряхнула головой, не давая воспоминаниям овладеть собой, и стала думать о пустом кошельке. Расправившись с разбойниками, Кассандра пришла к Маркосу сообщить об успешно выполненном поручении и надеясь получить плату, но Маркос увильнул от расчета, найдя очередную отговорку. Сколько же вообще он ей задолжал? В Кассандре закипал гнев: «Подонок, мошенник, грязная тварь...»

В вихре мыслей мелькнуло еще одно воспоминание двадцатилетней давности, связанное с ее появлением на этом зеленом острове. Тот день, когда Маркос нашел Кассандру на каменистом берегу к северу от города. Она едва дышала, лежа рядом с разбитым плотом. Кассандре вспомнилось лоснящееся, изъеденное оспинами лицо Маркоса и курчавые сальные волосы.

– Какая странная рыбка к нам заплывала, – усмехнулся мужчина, похлопывая девушку по спине.

Кассандре было не до шуток. Ее рвало морской водой, которой девушка вдоволь наглоталась, когда ее плот начал тонуть. Маркос накормил Кассандру и временно приютил у себя. Впрочем, его гостеприимство длилось недолго. Он уже был готов спровадить Кассандру... как вдруг заметил ее силу и проворство.

– Это кто же научил тебя так двигаться? – недоумевал Маркос. – Думаю, твои навыки могли бы мне пригодиться...

Сами остался за спиной. Тягостные воспоминания Кассандры постепенно меркли. Фебе надоело идти рядом. Она прыгала впереди, поглядывая на парящего в небе Икара. Рука девчонки сжимала деревянную фигурку игрушечного орла. Феба заставляла его «летать», подражая пронзительным орлиным крикам. У развилки спутница Кассандры помчалась направо.

– Мы почти на месте, – обернувшись назад, весело прошептала Феба.

Кассандра уставилась на девочку в немом недоумении. Эта дорога вела к горе Энос. Там на каменистой вершине стояла величественная статуя Зевса, бога неба. Из-за солнца статуя казалась белой. Зевс стоял на одном колене, зажав в руке молнию. Почва в нижней части склонов славилась плодородием. Такой ее делали минералы, намываемые дождями с вершин гор. Здесь было царство виноградников. Их ярусы опоясывали гору, и на каждом, помимо зеленых лоз, виднелись складские строения из серебристого камня и небольшие виллы под красными черепичными крышами.

– Хватит дурачиться, Феба, – крикнула девчонке Кассандра, указывая на дорогу, уходящую влево. – К Маркосу в другую сторону. Его дом находится возле южной пещеры и...

Она замолчала, увидев, что Феба понеслась к ближайшему винограднику. Это владение Кассандра видела не впервые, но фигуры в зелено-белом плаще, мелькавшей между лозами, прежде здесь не было.

– Неужто Маркос? – спросила молодая женщина себя и бросилась вслед за Фебой, которую нагнала на краю виноградника.

– Он попросил не говорить тебе, – призналась Феба.

– Еще бы, – буркнула Кассандра. – Оставайся здесь.

На нижней террасе двое работников собирали виноград. Кассандра незамеченной прошла мимо. Поглощенные делом, работники не заметили и шумливую Фебу, как всегда ослушавшуюся повеления. Неслышно ступая, Кассандра прошла дальше и вскоре услышала голос Маркоса. Тот препирался с работником, знавшим толк в виноградарстве.

– Мы... – начал Маркос и умолк, сражаясь с икотой. – Мы вырастим такой виноград, что каждая ягода будет величиной с дыню, – заявил он и припал к бурдюку с вином, слегка разбавленным водой.

– Ты погубишь лозу, господин Маркос, – возразил работник, сдвигая на затылок широкополую шляпу. – Ей года два надо сил набираться, иначе тяжелые грозди согнут и обломают стебли. А вот на третий год можно будет снимать первый урожай.

– Два года? – Маркос едва не поперхнулся. – И как же, во имя Аида, я буду расплачиваться с долгами?

Увидев Кассандру, он замолчал и тут же расплылся в улыбке.

– Приветствую тебя, Кассандра, – произнес хозяин виноградника, широко раскинув руки и едва не задев благоразумного работника.

– Маркос, ты никак купил виноградник?

– Отныне, девочка моя, мы будем пить только отменные вина.

Указывая широким жестом на свои владения, Маркос едва не потерял равновесие. Феба, которая шныряла поблизости, захихикала и вновь умчалась вслед за Икаром. Орел отозвался на покупку виноградника возбужденным клекотом, однако ум его хозяйки был занят другими мыслями.

– Маркос, мне нет дела ни до твоего винограда, ни до отменных вин, – заявила она. – Нам с Фебой нужна еда, одежда и прочие вещи. Я хочу получить драхмы, которые ты мне задолжал.

Маркос поежился. Пальцы пьянчуги теребили горлышко бурдюка.

– Наемница до мозга костей, – нервно усмехнулся хозяин виноградника. – Видишь ли, с твоими драхмами придется немного повременить...

– Судя по тому, что я слышала, – года два-три, не больше, – сухо ответила Кассандра.

Встревоженные крики Икара заставили ее поднять голову. Молодая женщина не помнила, чтобы игра с Фебой так возбуждала ее птицу.

– Послушай, дорогая, когда виноград превратится в вино, деньги потекут ко мне рекой, – сказал Маркос, отрывая молодую женщину от размышлений о ее питомце. – Но вначале я должен отдать заем на покупку виноградника. Я и так малость запоздал с выплатами.

– Вот-вот, – пробормотал недавний собеседник Маркоса, вернувшийся к прерванному занятию – защипыванию и подвязыванию стеблей. – А Циклоп не любит просрочек в платежах.

Глаза Маркоса метнули молнии в спину работника.

– Ты занял деньги у Циклопа? – воскликнула Кассандра и отшатнулась от своего собеседника, как от прокаженного. – Значит, все это, – она обвела жестом виноградник, – ты купил на его средства? Так знай, Маркос: ты купил не виноградник, а головную боль. Неужели ты настолько глуп? – Кассандра оглядела сверкающие зелено-золотистые склоны горы Энос, озабоченная тем, чтобы ее слова не попали в чужие уши. – Не далее как вчера вечером люди Циклопа обчистили мой погреб. Он истребил десятки людей на Кефалинии и назначил награду за мою голову. Циклоп знает про наши с тобой дела и считает нас обоих своими должниками. Если ты с ним не рассчитаешься, Маркос, первой наверняка пострадаю я.

– Не совсем так, – произнес угрюмый голос у них за спиной.

Кассандра резко повернулась туда, где лозы сплетались в зеленую изгородь, и увидела двоих ухмыляющихся незнакомцев. Лицо одного из них напоминало раздавленную грушу. Левой рукой он зажимал рот оцепеневшей от страха Фебе, а в правой держал кинжал, приставленный к горлу девчонки. Кассандра узнала в незнакомцах вчерашних воришек. «Икар, ну почему я тебя не послушала?» – мысленно отчитала она себя. А орел продолжал кружить над виноградником, оглашая воздух тревожными криками.

– Выкинешь какой-нибудь фокус, и твоей замарашке конец, – сказал второй, постукивая коротким мечом по ладони. Глаза этого воришки были настолько маленькими, что практически терялись в тени густых бровей.

– Маркос должен моему хозяину денег, но и ты, мисфиос, кое-чем ему обязана. Ты продырявила хозяйскую лодку. Ты убила его сопровождающих... моих друзей, между прочим. Так как насчет того, чтобы прогуляться с нами? Уладить, так сказать, дела к вящему удовлетворению нашего хозяина?

Кровь застыла в жилах Кассандры. Она знала: отправиться с этими ворами – обречь себя на смерть, а Фебу – в лучшем случае на рабство. Соппротивление было чревато моментальной гибелью их обеих прямо здесь, среди виноградных лоз. Молодая женщина продолжала стоять, не в силах пошевелиться.

– Чую я, эта мисфиос без боя не сдастся, – прорычал густобровый. – Покажем ей, что мы слов на ветер не бросаем.

Теперь у Кассандры замерло и сердце. «Внимательно наблюдай за противниками, – донесся из туманных глубин прошлого язвительный голос Николаоса. – Глаза выдают их намерения за секунду до удара».

Мерзавец, удерживающий Фебу, выпучил глаза, глядя на девчонку. Его рука, сжимавшая кинжал, напряглась так, что побелели костяшки пальцев. А дальше все происходило как во сне. Кассандра, поддавшись какому-то инстинкту, метнулась вперед, одновременно выхватив из-за пояса копье, к которому была привязана веревка. Молодая женщина взмахнула ею, точно плетью. Наконечник старинного оружия ударил вора прямо в висок. У того закатились глаза, из ноздрей хлынула кровь, и он рухнул наземь, будто опрокинулся штабель кирпичей. Феба, всхлипывая, заковыляла прочь. Кассандра дернула веревку, подтянула полукопье к себе и схватила за древко, держа так, как и надлежало настоящему гоплиту, то есть греческому пехотинцу.

Густобровый следил за каждым ее движением. Потолкавшись на месте, он сделал ложный выпад влево, но тут же атаковал справа, сопровождая атаку злобным ревом. Кассандра переместила тяжесть тела на одну ногу и позволила врагу проскочить мимо. Когда вор остановился и вновь бросился на молодую женщину, она присела на корточки и полоснула копьем ему по животу. Шатаясь, противник Кассандры прошел несколько шагов, затем остановился, очумело глядя, как из живота, сверкая в лучах полуденного солнца, на пыльную землю вывалился голубовато-серый осклизлый ком его внутренностей. Густобровый посмотрел на опустевшее чрево, потом на Маркоса и Кассандру, ошеломленно усмехнулся и упал ничком.

– Клянусь Зевсовыми яйцами, – взвыл Маркос, запуская руки в сальные кудри; ноги у него подкосились, и несчастный рухнул на колени, не сводя глаз с двух трупов, – теперь Циклоп меня точно убьет.

Кассандра крепко обняла и поцеловала плачущую Фебу. Потом зажала девчонке уши, оберегая от взрослых разговоров.

– Тела мы закопаем. Никто и не узнает, куда они пропали.

– Он все равно пронюхает, – застонал Маркос. – Сегодня ты отсекала у чудовища две головы, а завтра на их месте вырастет четыре. И гнев Циклопа утроится. С ним – как с любым тираном: или ты подчиняешься ему целиком и полностью... или восстаешь против его власти.

Неужели непонятно? – Маркос в отчаянии махнул рукой. – Впрочем, какой из меня наставник... Быть может, когда-нибудь тебе встретится достойный учитель.

– А тебе не мешало бы отодрать глотку от бурдюка и прочистить голову. Ты должен найти способ расплатиться с Циклопом.

Выпученные глаза Маркоса смотрели прямо перед собой. Его лицо обмякло от отчаяния. Потом, словно от удара невидимой молнии, он встрепенулся, вскочил на ноги, схватил Кассандру за плечи и начал трясти.

– Есть. Есть такой способ.

– Способ заработать мешок серебра? – спросила Кассандра, сбрасывая руки Маркоса. – На этом острове? Сомневаюсь.

Маркос скосил глаза, уставившись в одну точку.

– Не серебра, дорогая моя. Обсидиана.

Кассандра с недоумением посмотрела на своего приятеля:

– Пораскинь мозгами. Что для Циклопа ценнее всего? Люди, земля, корабли? Нет. Его обсидиановый глаз.

Маркос лихорадочно постучал у себя под левым глазом.

– Обсидиановый глаз с золотыми прожилками. Мы его украдем и продадим. Может, где-то на материке. Или странствующим торговцам. И заработаем на этом не один мешок серебра. Денег хватит расплатиться и за виноградник, и с тобой. И Фебу накормить, – с визгом добавил Маркос, радуясь, что нашел благородную сторону в замышляемом воровстве.

– А ты подумал, как мы украдем глаз Циклопа?

– Он никогда не носит глаз при себе. Считает громадной ценностью и хранит дома.

– Только дом у него – как крепость, – сухо напомнила Маркосу Кассандра.

Перед ее мысленным взором всплыло тщательно охраняемое логово Циклопа, стоящее на небольшом мысе в западной части Кефалинии.

– Последним из пытавшихся туда проникнуть был Скамандрий. С тех пор его больше не видели.

Оба замолчали, вспоминая пронырливого наемника Скамандрия и думая о сотне жутких способов, какими могла оборваться его жизнь. Среди излюбленных видов расправы Циклопа над врагами числились сожжение, сдирание кожи и отрубание конечностей палец за пальцем. Гибель Скамандрия вряд ли была большой потерей для общества, но несчастный наемник хвастался своим проворством и умением незаметно проникать куда угодно. За это его даже прозвали Тенью.

Кассандра тряхнула головой, прогоняя тяжелые мысли:

– Вернемся к твоему замыслу. Глаз мы будем красть... вдвоем?

Маркос сник и беспомощно пожал плечами:

– Дорогая, мисфиос у нас ты. Я бы тебе только мешал. В этом деле очень важно... я бы даже сказал, жизненно важно, чтобы тебя не заметили.

– А меня больше волнует то, что Циклоп меня схватит, – сказала Кассандра.

– Не схватит, потому что он сейчас не в логове, – возразил Маркос, грозя пальцем неведомо кому. – Как тебе известно, почти все частные галеры на нашем острове были насильно отданы афинскому флоту. «Адрастея» – одно из немногих оставшихся судов. Циклоп сейчас вышел на охоту, а галера – его добыча. Я слышал, он имеет зуб на корабельного триарха.

– Что это вы тут замышляете? – спросила Феба, подходя поближе.

– Обычные разговоры взрослых, малышка, – поспешил ответить Маркос. – Мы с Кассандрой говорили про то, сколько денег я ей задолжал. Условились: она выполнит еще одно, последнее мое поручение, а потом я заплачу ей все сполна. Правда, дорогая? – спросил он Кассандру.

– И тогда мы будем каждый вечер есть, как царицы? – спросила Феба.

– Да, – тихо ответила Кассандра, глядя девушку по голове.

– Вот и прекрасно, – воспрянул духом Маркос. – Сегодня вы останетесь у меня. Вас ждет поистине царский пир: жареная кефаль, осьминог, свежее испеченный хлеб, йогурт, мед с фисташками и несколько чаш вина. А потом – удобная кровать и крепкий сон. Завтра Кассандра отправится выполнять мое поручение.

Маркос наклонился к уху молодой женщины и шепотом, чтобы не слышала Феба, добавил:

– Запомни: тебя не должны видеть, иначе нас троих...

Он провел пальцем по шее и высунул язык.

Кассандра кисло посмотрела на Маркоса и долго не отводила глаз.

2

Маркос не соврал. Постель на самом деле оказалась очень удобной – мягкой и теплой, но Кассандре не спалось. Все ее мысли были заняты опасным поручением. Лежа с открытыми глазами, молодая женщина долго смотрела на свое полукопье в изголовье кровати, освещенное полосой лунного света, пока не решила, что пришла пора вставать. Солнце еще не взошло. Феба продолжала крепко спать, прижавшись к подруге. Кассандра поцеловала голову девчушки и осторожно выбралась из постели. Одевшись, она выскользнула наружу и быстро выбралась за пределы виноградника. Долина встретила ее ночной прохладой. Кассандра пошла на запад, стараясь держаться поближе к береговой линии. Из предрассветной мглы доносилось шипение и мяуканье диких кошек. Рука молодой наемницы привычно сжимала охотничий лук. Вскоре из-за горизонта выплыло солнце, раскинув крылья над островом с его холмами и лугами. Кассандра смогла рассмотреть соседний остров Итаку, окутанный утренним туманом, который вскоре должно было сменить знойное марево. Также хорошо были видны развалины древнего дворца Одиссея, освещенные лучами восходящего светила. Кассандра всегда останавливалась, чтобы полюбоваться остатками древнего величия. Да и кто отказался бы от такого зрелища? Это был навевающий грусть памятник давным-давно умершему герою; путешественнику, пересекавшему мир и вернувшемуся обратно; участнику великой войны, где он с одинаковым блеском сражался силой оружия и силой ума... Кассандра перевела взгляд на окрестности, поросшие кустарником, и в ней обострилась неприязнь к Кефалинии. «Хватит мечтать. Мне никогда не покинуть этот проклятый остров. Здесь пройдет моя жизнь, и здесь же она закончится».

Кассандра продолжила путь и вскоре вышла к протяженному каменистому мысу, вдававшемуся в море, словно шип. Отсюда, оставив свободную поступь, молодая наемница, попивая воду, начала красться, словно заядлый охотник, почуявший добычу. Воздух становился все жарче, а пение цикад – все громче. Логово Циклопа стояло на естественном плосковерхом холме, вблизи оконечности мыса. До него было около полумили. Внушительная постройка лишь звалась логовом, поскольку Циклопу не требовалось от кого-либо прятаться. Владения были обнесены невысокой обветшалой стеной. Сквозь трещины в кладке пробивалась трава и розовели цветы герани. Из-за стены просматривалась вилла с крышей, выложенной терракотовыми плитками, со светлым мраморным фасадом и дорическими колоннами, окрашенными в цвета охры и морской волны. На внешней стене Кассандра насчитала полдюжины охранников-головорезов. Они расхаживали взад-вперед по грубым парапетам, наблюдая за подступами к вилле. Еще двое стояли, как статуи, возле восточных ворот. Такие же ворота имелись и на северной стороне. Хуже всего, что на всем пути отсюда до стены Кассандре было почти негде укрыться. Несколько кипарисов, одиночные оливковые деревья, а дальше – сплошь редкие невысокие кустарники. Здесь тоже ходили караульные в широкополых шляпах, защищавших глаза от солнца. Их было четверо. Они двигались в пределах видимости друг друга и охранников на стенах. Все они были надежной живой границей, за которой лежало «государство» Циклопа.

Проникнуть внутрь казалось невозможным.

«Нет ничего невозможного», – вспомнила молодая женщина слова Николаоса.

Кассандра посмотрела на север, где росли кустарники и лежали каменистые склоны, ведущие к берегу. Молодая женщина скривила рот, с неприязнью сознавая правоту Николаоса. Потом вытащила пробку из горлышка бурдюка и вылила драгоценную влагу на растрескавшуюся золотистую землю.

Пригибаясь и внимательно следя за ближайшим из четверых караульных, Кассандра с осторожностью начала продвигаться к берегу. У самой кромки она завернула копье и лук в

промасленный кусок кожи и прикрепила на спину, после чего вошла в неглубокую, бодрящую воду. Когда вода стала ей по грудь, молодая наемница распласталась на ее поверхности, раскинула руки и, отталкиваясь ногами, начала продвигаться вдоль побережья мыса к его оконечности. Морские травы и рыбешки щекотали ноги и живот Кассандры, пока она не вышла на большую глубину. Берег был пуст. И вдруг недалеко из воды начали выпрыгивать резвящиеся дельфины. С берега донесся скрип сапог. Кассандра увидела краешек широкополой шляпы. Кто-то из караульных решил проверить, что за шум на берегу. Набрав побольше воздуха, Кассандра спряталась под водой. Сквозь прозрачную голубую толщу ей были видны игры дельфинов. Повернув голову в сторону берега, молодая женщина увидела щиколотки караульного, зашедшего в воду, а затем и искривленные очертания его фигуры. Караульный держал копьё наперевес. Зайдя в воду по колено, он остановился, убедившись, что единственным источником шума были дельфины. Но выбираться на берег он не торопился, решив постоять и погреться на солнышке... Меж тем воздуха в легких Кассандры становилось все меньше и меньше... Вынырнуть сейчас означало обречь себя на смерть. Однако и под водой молодую наемницу ждала та же участь. В глазах уже начинали рябить черные точки... Не в силах дальше удерживать воздух, Кассандра выдохнула. Пузырьки, вырвавшиеся из ее рта, чем-то напоминали крыс, удирающих с тонущего судна. Холодная рука страха попыталась схватить ее за горло, но Кассандра спокойно поднесла к губам наполненный воздухом бурдюк, убрала палец, закрывающий горлышко, глубоко вдохнула новую порцию кислорода и поплыла дальше.

Он следил за ней издали. Видел, как неторопливо она оценивает обстановку, выискивая способы подхода к логову Циклопа. А теперь наблюдал, как наемница бесшумно выбралась на берег близ северных ворот, почти у самой оконечности мыса. Совсем рядом с тем местом, где прятался он сам. Пока что Кассандра вполне соответствовала своей репутации.

– А вскоре мы увидим, так ли она искусна и смертельно опасна, как говорят, – размышлял вслух наблюдатель, с улыбкой скрещивая руки на груди.

Кассандра вылезла на прогретую солнцем галечную отмель и, прячась за кустами, стала подниматься по каменистому склону. Где-то через сотню шагов солнце почти высушило на ней одежду. Подойдя к северной стене владений, молодая наемница спряталась за валуном, потом осторожно высунулась, чтобы оценить двух караульных у ворот. Оба были в кожаных доспехах. У одного на голове краснела косынка, стягивающая волосы, в руках охранник сжимал копьё. На поясе его напарника висел боевой топорик. Пространство вокруг виллы пустовало. Никто не расхаживал по террасе на крыше и не стоял у входа. Вероятно, решила Кассандра, большую часть своих головорезов Циклоп взял с собой. А потому ее главная преграда – внешние стены. Если бы удалось незамеченной проскользнуть во двор... она попала бы в никем не охраняемое пространство. Как же поступить с караульными у ворот, чтобы дюжина других, расхаживающих по парапетам, ничего не заподозрила? Рядом негромко зашелестели крылья. У Кассандры испуганно сжалось сердце.

– Икар, ради всего святого! – прошипела она.

Орел посмотрел на свою хозяйку из-под полуприкрытых век и взмыл в воздух. Все так же прячась за валуном, Кассандра одним глазом следила за полетом Икара, державшего путь к воротам. Караульные до последнего момента не замечали птицу. Взмахнув крыльями, орел подлетел к стоявшему справа охраннику, растопырил когти и сорвал у него с головы красную косынку.

Караульный грязно выругался, хватаясь за поцарапанную макушку.

Орел полетел дальше, к вилле. Двое караульных помчались следом за птицей. Головорезы на парапете, молча наблюдавшие этот спектакль, теперь принялись дружно хохотать и глумиться над своими товарищами.

Не сводя глаз с двух караульных, Кассандра вскочила на ноги и бесшумно, словно кошка, пробралась в открытые ворота. Меж тем охранники сообразили, что орла им не поймать, и повернулись лицом к воротам. Словно от удара невидимого противника, Кассандра отлетела вправо и приземлилась в колючие заросли дикого утесника у основания стены. Затаив учащенное дыхание, молодая женщина следила за караульными. Те прошли совсем рядом и... вновь встали у ворот. Головорезы на парапетах возобновили наблюдение за подступами к вилле. Никто не заметил, как Кассандра проникла во двор.

Под гулкие удары собственного сердца молодая наемница раздвинула стебли утесника и посмотрела на виллу. Вход в здание напоминал разинутую пасть дикого зверя. Двойные красные колонны по бокам были похожи на окровавленные клыки. Кассандра осторожно пробиралась по двору, прячась за повозками, опрокинутыми бочками, копнами сена и деревянными хозяйственными постройками, пока не оказалась совсем рядом с домом. У молодой женщины от нетерпения дрожали ноги – как бы она хотела промчаться на них остаток расстояния до дверей. Только горький опыт удерживал Кассандру на месте, заставляя сидеть на корточках и выжидать. «Проклятые тени, – мысленно ворчала она. – А ведь там вполне может прятаться дюжина подручных Циклопа». Молодая наемница запрокинула голову и на террасе крыши заметила дверь, ведущую на верхний этаж. Кассандра подползла к стене, ухватилась за стебли обвивавшего ее плюща и полезла на крышу. Нога скользнула в сторону, поддев терракотовую плитку. Та треснула и стала угрожающе быстро сползать к краю. Удерживаясь на стеблях одной рукой, Кассандра изогнулась и подхватила беглянку, после чего облегченно вздохнула.

«Быстрота и незаметность, – прошипел у дочери в мозгу голос Николаоса. – Спартанец должен действовать проворно и бесшумно, словно тень».

– Я не спартанка. Я – изгнанница, – тихо прорычала Кассандра в ответ на слова наставника, затем перепрыгнула через мраморную балюстраду.

Арка с дверью, ведущей на верхний этаж, как и главный вход, тоже скрывалась в тени. Набрав побольше воздуха, Кассандра приоткрыла дверь и протиснулась внутрь. Правой рукой молодая женщина была готова в любой момент схватиться за копьё, левую же вытянула для равновесия, на случай, если внутри окажутся караульные и ей понадобится отпрыгнуть или перекувырнуться, уворачиваясь от их атаки. Но Кассандру встретил почти кромешный мрак. Молодая наемница замерла, давая глазам время привыкнуть к темноте. Коса хлестала ее по плечам, словно кнут. Кассандре мерещились угрюмые караульные, спешившие расправиться с ней, и занесенные над головой серебристые лезвия мечей... Когда глаза привыкли к темноте, Кассандра обнаружила, что находится в тихой, пустой спальне. Стены комнаты украшала яркая роспись, изображающая битву, где одноглазый герой побеждал многочисленных врагов. Те заметно уступали ему в росте. В углу стояла величественная кровать, застеленная роскошным шелковым покрывалом. «Ничего-то здесь нет», – решила Кассандра. Но стоило ей повернуться в другую сторону... как возле очага она заметила высокий постамент из паросского мрамора. От выставленных трофеев все внутри Кассандры сжалось.

На деревянных подставках стояли отнюдь не вражеские шлемы, а три отсеченные головы. Кассандра с осторожностью приблизилась к ним, словно они могли вдруг ожить и наброситься на нее. Напрасный страх: эти трое давно расстались со своими телами. Одна голова принадлежала длинноволосому мужчине с гнилыми зубами, на лице которого застыла гримаса смерти. Он явно погибал в муках. Вторая была головой молодого парня с отрезанным носом, на месте которого теперь зияла дыра. Однако само лицо выражало странную безмятежность. Третья голова некогда венчала туловище женщины средних лет. Ее рот был приоткрыт в беззвучном крике: «Сзади!»

Скрипнула половица.

Кассандра мгновенно обернулась, схватившись за копьё. Страх лизнул ее, будто языки пламени.

Никого.

Сердце Кассандры отчаянно колотилось. Может, скрип ей только почудился? Она вернула копье за пояс и снова взглянула на головы. Скамандрия среди них не было. В этом Кассандра не сомневалась. Возможно, пронырливый наемник украл у Циклопа какое-нибудь сокровище и сбежал на север транжирить нечестно нажитое богатство. Эта мысль придала молодой женщине храбрости. Почувствовав себя увереннее, она подошла к двери, высунула голову и осмотрелась. Слева и справа было пусто, а напротив... два караульных!

Кассандра вновь схватилась за копье, но быстро сообразила: «караульные» – всего лишь пустые старинные доспехи. Бронзовые кирасы, шлемы и ножные латы. Похоже, украденные из развалин старого дворца на Итаке. Паутина внутри шлемов создавала иллюзию обрюзгших лиц.

Злясь на себя за трусость, Кассандра прошла по коридору и заметила еще две двери. За одной из них наверняка находилась сокровищница Циклопа. Многие на острове говорили, что он спит на своем золоте. Они ошибались, но не сильно. Кассандра остановилась перед первой дверью и медленно повернула ручку. Внутри что-то щелкнуло. Дверь с жалобным скрипом распахнулась. От этого звука в животе Кассандры забегали полчища крыс, холодными лапками царапая ей кишки. Молодая женщина затаила дыхание... но никто из охранников не услышал скрипа. Успокоившись, Кассандра стала осматривать помещение, хотя смотреть там было не на что. Голые каменные стены; неокрашенные и даже неоштукатуренные. Дощатый пол. Никакой мебели, если не считать расшатанный шкаф у правой стены: пустой и со снятыми дверцами.

Кассандра осторожно повернула ручку следующей двери. Та открылась бесшумно. Вот где сокровищница! Из узкого круглого окошка в потолке пробивался солнечный луч. В золотистом свете лениво плавали пылинки. Сокровищница, ломящаяся от награбленного. Сундуки из слоновой кости были набиты монетами и драгоценностями. На скамье поблескивали серебряные обручи, броши и чаши. Целая полка была уставлена украшениями из лазурита самых обворожительных оттенков. Чуть поодаль – вещи из опала, сардоникса, изумруда, аметистовые ожерелья. Боевой лук изысканной работы с янтарной инкрустацией. А в дальнем конце помещения – в сумрачном углу, куда не достигал свет из окошка, – Кассандра увидела обсидиановый глаз. Она облизала пересохшие губы. Глаз покоился на кедровом постаменте. Положение было выбрано так, что золотой зрачок смотрел прямо на Кассандру. Это было величайшим из всех здешних сокровищ, стоившим дороже горстей или даже мешков с монетами и самоцветами. Кассандре оставалось всего-навсего пересечь комнату, пройдя мимо других сокровищ... и взять глаз.

Молодая наемница сделала шаг и замерла. Ее насторожил запах, совершенно чужеродный для сокровищницы Циклопа. Помимо металла и благовонных масел пахло также... смертью и разложением. Кассандра посмотрела налево, затем направо. Каменный пол слева от двери выглядел как-то странно, будто каменщику зачем-то понадобилось сделать несколько рядов углублений. Справа вместо каменной плиты лежала кедровая. Кассандра настороженно сощурилась. Присев на корточки, она сняла со спины лук, взялась за один конец, а другим слегка нажала на первую половицу.

Кедровые панели справа вдруг со свистом отодвинулись, всколыхнув пыльный воздух. Кассандра упала на спину, прижимая лук к груди. За порогом что-то промелькнуло и с металлическим лязгом ударились о каменную плиту слева, выбросив снопы искр. Встав, Кассандра увидела ловушку: яму в полу, глубиной не уступающую высоте двери. Дно ямы было усеяно железными шипами. Шагни она за порог, ее ждала бы мгновенная смерть. На шипах молодая наемница разглядела скрюченный труп Скамандрия. Правильнее сказать, скелет, обтянутый остатками кожи. Один шип пробил воришке висок, другой – шею, еще несколько прошли через руки и ноги.

– Твоя смерть, Тень, хотя бы наступила быстро, – сухо произнесла Кассандра.

Разверзшаяся ловушка загородила проход в сокровищницу. Молодая женщина раздраженно попятилась назад. И тут до ее ушей долетел разговор двух караульных, приближавшихся к вилле.

– Солнце припекает. Я проведу лошадей в конюшне, а ты запри виллу, – говорил один другому. – Вечером хозяин вернется. Если в комнатах не будет прохладно, достанется всем.

Вскоре Кассандра услышала их шаги на первом этаже, а также лязг замков закрываемых дверей и окон.

Пора было выбираться отсюда. У молодой женщины участилось дыхание. Но без обсидианового глаза она никак не могла покинуть виллу. Кассандра закрыла дверь в сокровищницу и тщательно осмотрела коридор. Иных способов пробраться к добыче не было. Может, попробовать спуститься туда через окошко в потолке? Нет. Окошко было слишком узким. В него бы и ребенок не протиснулся. Кассандра принялась лихорадочно искать выход из сложившегося положения, пока не вернулась к мыслям о первой комнате. «Зачем такому алчному до сокровищ и власти мерзавцу, как Циклоп, понадобилась совершенно пустая комната?» – размышляла она. Остальные помещения (по крайней мере, на верхнем этаже) были наполнены всевозможными трофеями. Подойдя к открытой двери первой комнаты, Кассандра опустилась на колени и простучала концом лука все половицы. Никаких ловушек. Войдя в комнату, молодая женщина с подозрением уставилась на стену, смежную с сокровищницей, и ветхий кособокий шкаф. Взявшись за боковые стенки, Кассандра осторожно сдвинула шкаф в сторону – за ним оказалась небольшая дверца. С громко бьющимся от возбуждения сердцем Кассандра открыла дверцу и протиснулась в сокровищницу. Здесь молодую наемницу снова охватила тревога. Что, если откуда-нибудь с потолка упадет меч или в полу откроется еще одна яма с острыми шипами? Но других ловушек в сокровищнице не было. Кассандра пробралась к кедровому постаменту и схватила обсидиановый глаз, ощутив его холодную тяжесть. Скоро Маркос расплатится со своими долгами, а она получит все, что успела заработать, выполняя его поручения. Оставалось вернуться в спальню, выбраться оттуда на крышу и по стеблям плюща спуститься вниз. У Кассандры появилось и стало крепнуть ликование, как вдруг до ее ушей донесся тихий голос:

– Осталось только закрыть спальню, и с верхним этажом порядок, – бубнил себе под нос караульный, чье лицо было почти полностью скрыто старым кожаным шлемом.

Кассандра вжалась в стену, замерев среди теней. Караульный вошел в спальню, и молодая женщина нырнула в тихую комнату вслед за ним. Послышался стук закрываемых ставен, потом громко лязгнул замок. Заперев спальню, караульный направился к лестнице.

Кассандра тенью последовала за своим провожатым. Скрип его шагов на лестнице заглушал ее собственные. Вместе с караульным Кассандра приближалась к выходу. Но если он запрет входную дверь, а она не сумеет выскользнуть... Кассандре стало не по себе. Она живо представила четвертую голову на мраморном постаменте в спальне Циклопа.

В этот момент караульный уронил ключи, и Кассандра сделала следующий свой шаг ровно в тот момент, когда охранник нагнулся за ними. Скрипнули половицы. Караульный встрепнулся, подпрыгнул и молниеносно повернулся назад. Его губы растянулись в зловещей усмешке. Схватив топорик, охранник готов был позвать товарищей на подмогу... Но крик так и не вырвался из его горла. Кассандра столь же молниеносно выхватила нож, спрятанный в кожаном нарукавнике, и метнула в караульного. Лезвие вонзилось ему в горло. Караульный покачнулся и стал падать. Из раны заструилась розовая пена. Кассандра быстро подхватила тело, не дав своей жертве с шумом рухнуть на пол. Взгляд молодой женщины заметался между ключами, доспехами караульного и дверью, открывавшей путь к свободе.

Наблюдатель следил за караульным в черном плаще. Тот вышел из дома и направился к воротам, у которых перебросился несколькими словами с другим караульным, стоявшим на

посту. Затем охранник вышел за пределы виллы и спокойно продолжил свой путь. Наблюдателя охватило радостное волнение: наемница целиком и полностью оправдывала их надежды. Словно ворон, он вытягивал шею и немигающими глазами продолжал следить за молодой женщиной.

В кожаном шлеме с узким забралом Кассандра едва не задышалась. Судя по зловонию внутри шлема, убитый ею караульный любил чеснок, который поедал сырым и в изрядных количествах. Кассандра изо всех сил старалась подражать неспешной скучающей походке своей жертвы. Молодая женщина удалялась от логова Циклопа, сжимая в руке украденный боевой топор. Караульному у ворот Кассандра так объяснила свои действия:

– Пройдусь к берегу. С крыши виллы я заметил кое-что странное. Может, и показалось, но проверить надо.

Второй караульный был слишком разморен полуденной жарой и не обратил внимания, что низкий, хрипловатый голос товарища звучит чуть иначе, чем обычно.

Кассандра достигла островка, заросшего елями и можжевельником. Здесь царила благословенная прохлада. Отсюда она была невидима для караульных Циклопа. Воздух вкусно пах смолой. Молодая женщина с наслаждением ступала по ковру из опавшей хвои. В просвете между ветками синели морские волны. Берег. Голова Кассандры вдруг слегка закружилась, как от благовонного дыма. Ее опьяняло предчувствие скорого успеха. Вскоре молодая женщина вышла на небольшую полянку посреди островка.

От неспешных, раздавшихся вдруг рукоплесканий Кассандра застыла как вкопанная. От страха ее сердце тут же ушло в пятки.

– Прекрасно, просто прекрасно! – произнес мужской голос.

Повернув голову, Кассандра увидела того, кто ей аплодировал. Он сидел на поваленном бревне, у самой кромки деревьев. Его жидкие каштановые волосы были зачесаны вперед. Одежда незнакомца состояла из безупречно белого хитона с яркими серебристыми полосками. На сухопарой шее поблескивало ожерелье, а на сухопарых запястьях – браслеты. «Богач, и притом нездешний», – сразу подумала Кассандра.

– Мало кому удастся лишить Циклопа Кефалинского его с трудом награбленной добычи, – с усмешкой промолвил незнакомец.

Кассандра вздрогнула. Ее поразила чрезмерная фамильярность и самонадеянность, сквозящие в голосе этого чужака. Его глаза будто пожирали молодую женщину. При этом взгляд незнакомца был не похотливым, а исполненным вожеления иного рода.

– Опusti топорик. Меня ты можешь не бояться. Кассандра продолжала смотреть на странного собеседника немигающим взглядом. Опускать руку с оружием она и не думала. Подлетевший Икар сел хозяйке на плечо, сердито вереща на незнакомца. По охотничьей привычке Кассандра боковым зрением следила за окрестностями. Сообщников у незнакомца не было. Но внизу, в бухточке, у причала покачивалась галера. С паруса на молодую наемницу смотрела жуткая голова горгоны.

– Кто ты такой? – сквозь зубы спросила Кассандра.

– Элпенор из Кирры, – непринужденно ответил он.

«Из Кирры? – подумала Кассандра. – Ворота в Дельфы, дом оракула». Ей отчаянно захотелось плюнуть.

– Я разыскал тебя, поскольку слышал удивительные рассказы о некоем кефалинийском наемнике. То есть о тебе, – продолжал Элпенор.

– Ты меня с кем-то спутал, – сердито бросила Кассандра. – На острове есть и другие наемники.

– Но такие дарования есть только у тебя, Кассандра, – возразил чужак из Кирры каким-то замогильным голосом. – Ты обладаешь сверхъестественным проворством ума и тела.

Кассандра сорвала с головы провонявший чесноком шлем и зашвырнула в траву. Рыжая коса выпорхнула наружу, разметавшись по груди.

– Чего тебе от меня надо? Говори напрямую, не то этим топором я раскрою тебе череп.

Элпенор засмеялся. Его костлявое тело сотрясало в такт хриплым смешкам.

– Кассандра, я хочу предложить тебе значительное богатство. Сумму, более чем вдвое превышающую стоимость обсидианового глаза, который ты ukrала у Циклопа.

Рука Кассандры скользнула к поясной сумке. Глаз был на месте. «Опять в два раза больше?» – подумала она. Маркос расплатился бы с Циклопом, Фебе бы Кассандра купила хороший дом... Что важнее, эти деньги разрубили бы цепи нищеты, удерживающие Кассандру на острове, – она могла бы отправиться куда угодно и заняться чем душа пожелает. Мысли об этом наполнили душу Кассандры восхищением и ужасом. Элпенор вновь жадно заскользил глазами по телу молодой женщины. Заметив это, Кассандра сжалась и презрительно посмотрела на богача из Кирры.

– Я не сплю с мужчинами за деньги. Вдобавок ты стар и можешь испустить дух в процессе.

– Я не жажду твоего тела, – ответил Элпенор холодно. – Во всяком случае, не в том смысле, в каком это понимаешь ты. Я предлагаю тебе деньги в обмен на голову.

– По-моему, одна голова у тебя уже есть, – ехидно заметила Кассандра.

Элпенор сдержанно улыбнулся:

– Речь идет о голове воина. Спартанского полководца.

Кассандра почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

– Все зовут его Волком, – добавил Элпенор.

Кассандра мысленно приказала себе успокоиться, не обращая внимания на струйки пота, что текли у нее по спине.

– Полководцы тоже состоят из плоти и крови, – пожал плечами молодая наемница. – Спартанцы не исключение, хотя они и считают иначе.

– Так ты принимаешь условия сделки?

– Где обитает этот Волк?

– На другом берегу моря. В самом вожаденном из всех мест, какие существуют в греческом мире.

Кассандра сощурилась. Элпенор смотрел поверх ее плеча на восток. Она посмотрела туда же. В дымке по морю непрерывной вереницей плыли афинские галеры, чтобы затем войти в Коринфский залив для участия в осаде...

– Мегарида? Он на Мегариде?

Элпенор кивнул:

– Ожесточенная война между Афинами и Спартой сродни перетягиванию каната. При этом канатом служит город Мегара и узкий перешеек. Афины хотят завладеть обоими портами, дабы затянуть морскую петлю вокруг Эллады. Спарте перешеек необходим в качестве моста в Аттику.

Кассандра попятилась.

– Значит, он – в кольце устроенной Афинами блокады? – торопливо спросила она.

– Волк и его армия двигались по суше из Лаконии. Сейчас они держат путь в Паги – западный порт Мегариды.

– Зачем тебе понадобилась его голова?

– Война бушует, а... Волк оказался не на той стороне.

– Откуда мне знать, что ты сам – на той стороне? – холодно спросила Кассандра.

Элпенор достал из хитона туго набитый мешочек, в котором звенели драхмы.

– Всё очень просто: раз я плачу тебе за работу, я – на той стороне. Держи.

Кассандра поймала мешочек в воздухе и тут же ощутила приятную тяжесть в своих руках.

– Сделай то, о чем я тебя прошу, мисфиос, и ты получишь в десять раз больше.

Элпенор улыбнулся одними губами:

– Чтобы прорваться сквозь кольцо блокады, мне понадобится судно. Отдай мне твое, и считай, что дело сделано, – сказала Кассандра, кивком указав на галеру с головой горгоны.

По правде говоря, наемнические поручения на море она выполняла всего один раз. Маркос послал ее с грузом краденых шкур к своему сообщнику. Кассандре пришлось проплыть вдоль берегов Кефалинии на старой полусгнившей торговой посудине.

– Никто не должен видеть моих парусов, мисфиос, – сказал Элпенор тоном, не терпящим возражений.

– Без судна нет сделки. Афины давно погубили флоты всех своих союзников. Заставили их платить в казну Делосского союза, постоянно умножая число собственных кораблей. Нынче в частных руках осталось совсем мало быстроходных галер, способных пересечь море и прорваться через блокаду. На Кефалинии таких вообще нет.

– Неужто это тебе не по силам? – поморщился Элпенор. – Или я переоценил твои способности?

Кассандра мешкала с ответом. Элпенор молча встал, явно намереваясь спуститься к берегу и подняться на свою галеру.

– Мне все по силам, старик! – крикнула вдогонку Кассандра. – Скоро ты получишь голову Волка.

Элпенор остановился, обернулся и посмотрел на молодую женщину из-под набрякших век.

– По рукам. Когда выполнишь поручение, найди меня в Кирре, на Причале паломников.

Кассандра шагала вдоль берега, возвращаясь на виноградник Маркоса. Слова Элпенора, которые он произнес на прощание, все еще звучали у нее в ушах. Порученное виделось ей чем-то туманным и совершенно нереальным. Кирра, где она никогда не была. Волк, которого она ни разу не видела. Все эти двадцать лет Кассандра не выбиралась за пределы прибрежных вод Кефалинии. «Какая же ты дура, – отчитывала она себя. – Ну когда ты научишься говорить „нет“ подозрительным сделкам? Мало тебе сумасбродных затей Маркоса, так теперь ты вляпалась в поручение, больше похожее на западню, откуда тебе не выбраться». Кассандра громко рассмеялась, удивляясь звукам собственного смеха.

– Волку ничего не грозит. Ведь я никогда не покину этот проклятый остров.

Дальше она шла молча и через некоторое время, обогнув каменистый мыс, вышла к бухте Клептус. Она замедлила шаг, намереваясь глотнуть воды из бурдюка, но раздавшийся крик помешал ей утолить жажду.

– Клянусь, я не произнес ни одного лживого слова. Умоляю: не забирай у меня судно!

Крик плыл над бухтой. Голос кричавшего был хриплым, полным отчаяния.

Кассандра опустила на корточки, ладонью прикрыв глаза от солнца. Поначалу она видела лишь белые пенистые барашки волн, носящихся морских птиц и нескольких диких коз, что щипали песчаный тростник. Кассандра еще раз оглядела бухту и поодаль заметила трирему, наполовину вытащенную на берег. Корма судна упиралась в песок, а нос покачивался на воде. Галера была меньше, чем афинские военные галеры и судно Элпенора, но имела изящные очертания. Чувствовалось, строили ее на совесть. Остов галеры вблизи киля был покрашен в черный цвет, а вокруг палубных перил шла красная полоса. Корма изгибалась, словно скорпионий хвост. Нос галеры оканчивался бронзовой бараньей головой с нарисованными глазами.

– «Адрастея» для меня всё, – стонал голос.

– Адрастея, – прошептала Кассандра.

Богиня возмездия... и название этого корабля? Кассандра несколько раз повторила про себя это имя, и каждый раз по спине ее пробежал холодок. Молодая женщина досадливо щелкнула пальцами, но так и не могла вспомнить, почему это название ей знакомо.

И вдруг Кассандра заметила на палубе судна какое-то движение. Издали фигурки людей казались совсем маленькими. Судя по всему, разбойники связали матросов и поставили на колени. Тех, кто пытался встать, избивали. Один человек, довольно пожилой, стоял на коленях перед большим глиняным горшком. Голову несчастного держал какой-то великан. Старик извивался всем телом, безуспешно пытаясь вырваться. Кассандра вновь услышала крик несчастного, полный беспросветного отчаяния:

– Боги, пощадите меня! Спасите мой корабль!

Крик оборвался, сменившись не менее отчаянным бульканьем. Вода и пена переливались через край. Зрение Кассандры стало по-орлиному острым, и она смогла разглядеть великана, одновременно вспомнив, где впервые услышала название судна. В мозгу зазвучали слова Маркоса: «„Адрастея“ – одно из немногих оставшихся судов. Циклоп сейчас вышел на охоту, а галера – его добыча».

3

Напрасно Варнава кричал, в то время как мимо его ушей с шумом проносились пузырьки воздуха. Подводные стенания звучали глухо и даже самому Варнаве казались странными, не от мира сего. Руки у несчастного были крепко связаны за спиной; настолько крепко, что от веревок по рукам старика струились ручейки горячей крови. Вода через нос и рот змеей проникала в горло. Началось самое ужасное: воздух покинул легкие Варнавы. Тело молило о глотке кислорода. Но мясистая рука Циклопа тисками сдавливала шею несчастного, удерживая голову в воде. Перед глазами Варнавы замелькали белые вспышки. Их сменили темные клочья, похожие на жидкость, исторгаемую кальмаром. Черная пелена разрасталась, заслоняя видимый мир. Варнава понял: это конец. Циклоп больше не позволит ему глотнуть воздуха. А потом его ждет встреча с Хароном-паромщиком. Варнава беззвучно плакал. Перед мысленным взором, выпархивая из закоулков памяти, проносились картины его насыщенной событиями жизни. Они напоминали вспышки факела, задуваемого ветром... Варнава увидел песчаный остров, на который его – тогда молодого матроса – высадили в качестве наказания. Утро, когда он умирал от жажды посреди вздымающегося океана... Он увидел огромное, блестящее тело неведомого существа, всплывшего из морских глубин. Его спас другой корабль, но тамошние матросы не поверили рассказам о чудовище, посчитав их последствием слишком долгого пребывания на палящем солнце.

И вдруг все изменилось. Вода забулжила и начала уходить вниз. Мясистая рука резко вытащила его голову из горшка. Каштановые, с проседью, волосы Варнавы и борода промокли насквозь и торчали во все стороны, словно щупальца осьминога, разбрызгивая воду. Кристальная прозрачность воздуха казалась оглушающей. Голова заболела от нестерпимо яркого солнца. Варнава моргал, изрыгал из себя воду и втягивал воздух, глядя на своего мучителя-великана. Тот смотрел на свою жертву единственным глазом.

– Твои поганые губы, Варнава, малость посинели, – покотился со смеху Циклоп.

– Я не хотел тебя оскорбить, – кашляя, возразил Варнава. – Клянусь богами.

– Слишком много болтовни о богах, – презрительно бросил несчастному Циклоп, и громадные пальцы снова сжали затылок Варнавы. – Пора тебе встретиться с одним из них. Аид, поди, тебя заждался.

– Нет...

Протест Варнавы, несущий в себе мольбу, кончился новым погружением в горшок. Рот опять наполнился водой. Циклоп вернул свою жертву в соленую пропасть, к угасающему зрению и жгучему огню в легких. Теперь память показала Варнаве его первое плавание в должности триарха. Он вел корабль и матросов к острову, надеясь отыскать там древние сокровища. Ничего они не нашли, но попали в лабиринт пещер, где несколько дней блуждали в темноте. Никаких богатств обнаружить им не удалось, но однажды, когда матросы спали, Варнава увидел... некое существо. Правильнее сказать, он увидел тень могучего человека-зверя: широкоплечего, с рогами на голове. Не успел Варнава как следует рассмотреть зверя, как тот исчез. И вновь товарищи не восприняли его рассказы всерьез, хотя Варнава показал им на полу пещеры цепочку едва заметных следов, оставленных раздвоенными копытами... Кажется, вода уже проникла ему в легкие. Тело обмякало, прощаясь с жизнью. Борьба за жизнь почти окончилась. А затем...

– Что случилось, старый дурень? – зашипел Циклоп, вновь рывком вытаскивая голову Варнавы из горшка. – Молчат твои боги? Или велели тебе проваливать на тот свет?

Разбойники громко загоготали, поглядывая на связанных матросов.

– Прикончи его! – выкрикнул кто-то из них.

Варнава почувствовал, как ручища Циклопа в очередной раз сдавила ему затылок. Старик уже не пытался набрать в легкие побольше воздуха, зная, что это лишь продлит его агонию, добавив боли.

– Почему вы не откликнулись на мои мольбы? – шепотом спросил небеса Варнава, прежде чем вновь увидел перед собой воду в глиняном горшке.

– Отпусти его! – слышалось с берега.

Рука Циклопа застыла. Варнава продолжал взирать на воду в горшке. Расстояние между ней и его носом было меньше пальца. Повернуть голову старик не мог и потому лишь скосил глаза в сторону берега. Увиденное наполнило несчастного благоговейным страхом. Уверенной, дерзкой походкой к кораблю приближалась высокая, стройная и гибкая женщина. При ней был охотничий лук, боевой топорик и странного вида полукопье. Точеные черты ее лица были исполнены суровости и гнева, глаза прищурены. На плече сидел орел. Птица богов. Глаза Варнавы наполнились слезами. Кем была эта дочь Ареса?

– Циклоп, я не стану повторять дважды, – громко произнесла она.

Песок, словно туман, клубился у нее под ногами. Одноглазый великан затрясся от гнева. С губ сорвалось глухое рычание. Он отшвырнул Варнаву, словно тряпку.

Циклоп Кефалинский взирал на нее с кормы галеры. Его лицо, изуродованное много лет назад, и впадина, в которой когда-то помещался правый глаз, знали только одно выражение – нескончаемый гнев. Могучие, похожие на стволы дубов руки блестели от пота. Грудь под кожаными доспехами с бронзовыми накладками тяжело вздымалась.

Кассандра остановилась шагах в двадцати от судна.

– Ты?! – удивился Циклоп.

Ветер трепал его темные волосы, собранные в хвост, делая их похожими на живое пламя.

– Мисфиос! – воскликнул великан, все еще не веря своему глазу.

Кассандра расставила ноги, распрямила плечи, на одном из которых восседал Икар. «Распространяй ощущение силы», – вновь раздался у нее в мозгу голос Николаоса. Кассандра надеялась, что Циклоп и его головорезы не увидят ее дрожащих рук. Она должна была столкнуться с ним лицом к лицу. Кассандра и так много лет избегала встречи с Циклопом и его разбойниками. Однако пришло время взглянуть в лицо своим страхам. Она должна выйти на поединок, чтобы освободиться от его мертвой хватки, освободить Фебу, Маркоса и... всю Кефалинию. И вдобавок – завладеть галерой.

– Что ты тут делаешь? – загремел Циклоп. – Я велел своим людям доставить тебя связанной.

– Посланные тобой головорезы мертвы. Я пришла сама, дабы сразиться с тобой... Циклоп.

– Не смей называть меня так! – взвился разбойник, хватив кулаком по корабельным перилам.

Он подал сигнал четверым подручным. Те спрыгнули за борт и стали приближаться к Кассандре с двух сторон. Молодая наемница лихорадочно раздумывала, как повести себя дальше.

– Циклоп, неужто у тебя не только один глаз, но и одно ухо? Я сказала, что намерена сразиться с тобой, а не с твоими головорезами.

Циклоп скривил губы, потом щелкнул пальцами, привлекая внимание подручных.

– Оторвите ей ноги, чтоб больше не ходила по земле, а потом тащите сюда. Я сперва утоплю этого старого пьянчугу, а после отхвачу голову этой наглой девки.

Великан повернулся к Варнаве. В этот момент Кассандра вытащила из сумки обсидиановый глаз и высоко подняла, заставив сверкать на солнце.

– Посмотри, какую забавную вещицу я нашла в твоём доме.

Живой глаз Циклопа чуть не выкатился из орбит, а сам разбойник глухо и злобно засмеялся:

– Ох и дорого же ты за это заплатишь...

Вместе с остальными шестью головорезами Циклоп спрыгнул на берег и тут же взял молодую наемницу в кольцо. Десять разбойников и Циклоп в придачу? «Храбрость – частая спутница глупости, – вновь напомнил о себе голос Николаоса. – Сражайся мудро и без излишней прыти».

Сзади послышалось козье меканье. Это подсказало Кассандре следующий шаг. Она повернулась к дикой козе, щиплющей траву.

– Пожалуй, такому сокровищу нужно надежное место хранения, – сказала Кассандра, указывая на козу, которая как раз в этот момент задрала хвост, показывая собственный зад.

– Ты не посмеешь! – крикнул оторопевший Циклоп.

Вместо ответа Кассандра улыбнулась, поклонила обсидиановый глаз, а затем поглубже запихнула в козий зад. Изумленная коза громко замекала, мотая головой. Кассандра похлопала ее по спине. Новая владелица обсидианового глаза проскочила между двумя подручными Циклопа и понеслась вверх по склону, удаляясь от бухты.

– Поймайте эту проклятую козу и верните мой глаз! – взвыл Циклоп.

Трое разбойников бросились за несчастным животным.

«Тремя мерзавцами меньше», – подумала Кассандра.

Циклоп и остальные семеро по-кошачьи припали к земле, готовясь схватить Кассандру.

– Мешок серебра тому, кто перережет ей глотку, – посулил Циклоп.

Кассандра следила за каждым движением противников, сжимая в одной руке украденный топорик, а в другой – остатки копья Леонида. Кто же первым отважится ее атаковать? Ага, этот. Самый жуткий из всех разбойников Циклопа. Лысый, с тяжелыми золотыми серьгами в ушах, одетый в кожаную юбку. Он выдал себя, дернувшись раньше времени, а когда бросился к ней, Кассандра преградила ему путь, выставив крест-накрест копье и топор. Но сама она не смогла удержаться на месте. Ее отбросило назад. Ожидая нападения, Кассандра стремительно развернулась и увидела мелькнувшую тень Икара. Орел вцепился когтями в глаза ближайшего к своей хозяйке разбойника и уберег ее от удара серпом. Кассандра снова развернулась и топором разрубила плечо другого головореза. Лезвие вонзилось глубоко. Из раны хлынула черная кровь. Противник упал, а к молодой наемнице уже подбирался следующий. Она увернулась от его меча, полоснув нападавшего копьем по лицу. Он упал со звериным стоном. Его голова треснула, словно дыня. К Кассандре бросились еще двое. Взмахнув копьем, один сумел задеть грудь Кассандры. Второй едва не разmozжил ей голову, замахнувшись тяжелой железной булавой. Противников было слишком много... да и Циклоп выжидал, готовясь нанести смертельный удар. «Спартанец должен, как настоящий охотник, видеть все, что происходит вокруг, а не только то, что делается впереди него», – отчитал ее Николаос. Боковым зрением Кассандра заметила на палубе «Адрастеи» то, что требовалось ей для дальнейшего маневра: корабельный рангоут и канат, удерживающий его на месте. Один конец каната был привязан к перилам. Двое разбойников с криками ринулись к ней. Кассандра пригнулась, уворачиваясь от двойного удара, затем выдернула топор из раскроенного плеча убитого, выпрямилась во весь рост и метнула топор в сторону корабля. Проверять успех своей затеи ей было некогда. Кассандра вовремя повернулась, отражая еще одно нападение. Судя по звуку, донесшемуся с корабля, топор перерубил канат и вонзился в перила. Заскрипели корабельные снасти. Циклоп решил, что пора действовать. Он с ревом бросился к Кассандре, намереваясь тяжелым мечом распороть ей живот. Над его головой мелькнула тень. Рангоут повернулся на мачте, увлекая за собой болтающийся канат. Кассандра подпрыгнула, крепко уцепилась за край каната и повисла. Меч Циклопа проткнул пространство, где мгновение назад стояла его противница. Раскачиваясь на канате, Кассандра ногой ударила Циклопа в нос, а затем, повернувшись, словно камень в

праще, выскользнула из кольца разбойников, направив канат в сторону корабля. Ее прибило к перилам. Там Кассандра отпустила канат и выскочила на палубу. Не теряя времени, она побежала к Варнаве и перерезала веревки на его руках. Вслед за хозяином судна Кассандра освободила ближайших к ней матросов. Те испуганно вскочили на ноги.

– Всем приготовиться! – крикнула молодая женщина команде, поворачиваясь к корме и берегу.

Кассандра слышала судорожное, гневное дыхание Циклопа. С берега к корме полетели веревки. Затянув петли на перилах и иных крепких частях, Циклоп и уцелевшие голово-резы полезли вверх. Вевки натянулись под тяжестью их тел. Матросы очумело размахивали шестами и крючьями. Кассандра прикрикнула на них, и тогда они бросились к перилам кормы – отбиваться от разбойников. Кого-то им удалось скovyрнуть, словно ракушку, приставшую к днищу. Но Циклоп был для них слишком силен. Перевалив через перила, он выбрался на палубу и тут же полоснул по горлу ближайшему матросу. Тот полетел в воду. Вместе с Циклопом на палубу забрались еще трое разбойников. Одноглазый великан бросился к Кассандре, но на его пути возник дрожащий, безоружный Варнава. Циклоп взмахнул мечом, готовый перерубить старика пополам. Кассандра схватила острогу и метнула в великана. Импровизированное копьё пробило Циклопа насквозь, пригвоздив к мачте. Единственный глаз вспыхнул от гнева и удивления. Затем изо рта хлынула черная кровь, дыхание великана стало порывистым. Тело Циклопа обмякло. Он был мертв.

Оставшиеся в живых разбойники тут же прекратили сражение и попятились к корме, во все глаза глядя на мертвого главаря. От их уверенности не осталось и следа. Спрыгнув за борт, они поспешили убраться прочь.

– Кефалинский Циклоп... мертв? – запинаясь, произнес какой-то матрос.

– Отныне остров свободен от его террора, – хрипло подхватил другой.

Варнава, мокрый и перепачканный, подошел к Кассандре, посмотрел на нее и вдруг преклонил одно колено. Капитан смотрел на молодую наемницу с благоговейным почтением. Подлетевший Икар опустился хозяйке на плечо:

– Ты – дочь Ареса?

– Я – Кассандра, – ответила наемница, жестом веля старику встать.

Вся палуба была усыпана мертвыми телами. Неподдалеку стоял глиняный горшок, в котором чуть не утопили Варнаву.

– До меня доходили слухи о вражде между Циклопом и триеархом этого судна. Я не представляла, чем все обернется.

Варнава встал и шумно вздохнул:

– Случившееся между мной и Циклопом следует считать... досадным недопониманием. Не так давно мы зашли в гавань Сами. Я отправился в ближайшую таверну, чтобы насладиться трапезой. Говоря о трапезе, я имею в виду бочонок вина. Выпивка меня развеселила, и я решил рассказать собравшимся про одно из своих путешествий. Точнее, про существо, которое я видел на островах. Слов не хватит, чтобы описать его мерзость. Рассказывая, я неосторожно произнес слова «одноглазое чудовище». Циклоп, который тоже был в это время в таверне, вскочил, опрокинув стол. Он решил, что я рассказываю о нем, и вознамерился меня убить. Хвала богам, мы сумели покинуть гавань Сами. Но, как я теперь понимаю, Циклоп следил за нашим перемещением. Едва мы пристали к берегу, он со своими разбойниками напал на нас.

– Да, Циклоп имеет обыкновение... вернее, имел обыкновение, – сдержанно улыбнулась Кассандра, – принимать подобные слова на свой счет.

Посмотрев на осевшее тело Циклопа, а затем на глиняный горшок, Варнава испытал заметное облегчение.

– Я столько лет провел в море. Для меня было бы величайшим позором утонуть в этом горшке.

Я обязан тебе жизнью, госпожа наемница. Мы все в долгу перед тобой. Но, кроме глубокой признательности, мне нечем тебе отплатить.

– Мне будет достаточно, если ты отвезешь меня, куда я скажу.

– Ты собралась в путешествие? – оживился Варнава. – Моя галера домчит тебя куда угодно. Хоть на край света, если понадобится.

«Адрастея» покинула бухту Клептус, обогнула остров и вошла в гавань Сами. Там судно простояло на якоре несколько дней, пока матросы Варнавы собирали провиант и все необходимое для путешествия. Они и сейчас поднимались по сходням с мешками на плечах, заноса на корабль остатки провианта. Кассандра стояла на палубе, упиравшись локтем в перила. Мыслями она была уже в море. Вокруг шумела гавань, над головой кричали чайки, а из окрестных таверн слышался стук кружек и пьяные разговоры.

С причала донесся звук легких шагов.

– Я готова, – объявила вспотевшая Феба. – Все вещи собрала.

Кассандра зажмурилась, силясь потушить вспыхнувшее внутри пламя.

– Ты не поплывешь, – холодно ответила она девчонке.

Шаги замедлились.

– Куда ты, туда и я, – резко возразила Феба.

– Я плыву туда, где детям делать нечего, – сказала Кассандра.

Она опустила на корточки и встретила глазами со своей подопечной. Резкий тон был лишь маской. В глазах девчонки блестели слезы.

– Феба, тебе нужно остаться на острове. Циклопа больше нет. Вам с Маркосом некого опасаться.

Маркос стоял поодаль и вел оживленный разговор с важного вида торговцем – вероятно, пытался продать несчастному шелудивого осла.

– Это же настоящий боевой конь, достойный полководца, – врал Маркос.

Поймав взгляд Кассандры, он умолк и едва заметно кивнул в знак прощания.

«Приглядывай за ней», – одними губами произнесла Кассандра. Ответом ей был еще один торопливый кивок. «Ведет себя как мальчишка, которого отчитывают», – подумала Кассандра.

Феба что-то сунула ей в руку. Это был деревянный игрушечный орел.

– Не берешь меня, так возьми Хару. Куда бы ты ни отправилась, Хара будет с тобой, а значит, и я.

Невидимые руки сжали Кассандре горло. Она была готова разрыдаться. Усилием воли молодая женщина подавила слезы, сжав в руке игрушечного орла.

– У меня тоже есть кое-что для тебя, – прошептала она, вкладывая в ладонь Фебы obsidianовый глаз Циклопа.

Тогда, на берегу бухты Клептус, она проделала ловкий фокус, подменив сокровище камешком. Кассандра искренне надеялась, что несчастной козе удалось освободиться от него.

– Бережно храни эту штучку. Маркосу о ней не говори. Если случится какая беда, продай этот глаз, а вырученные за него деньги трать с умом.

Феба ошеломленно посмотрела на странный подарок, затем спрятала его в сумку.

– Прощай, Феба, – сказала Кассандра, выпрямляясь во весь рост.

– Но ты ведь вернешься? Ну хоть когда-нибудь? – с мольбой спросила девчонка.

– Обещать я тебе не могу, но надеюсь, что мы встретимся снова.

Крики матросов означали, что погрузка окончилась и пора поднимать сходни. Феба попятилась назад, улыбаясь и размазывая по щекам слезы. Постояв еще немного, девчонка побрела к Маркосу. Кассандра отвернулась, крепко сжимая в руке игрушечного орла.

Из гавани «Адрастея» выходила на веслах. Варнава расхаживал по палубе. Он уже не напоминал полу-утопленного кота, как в день их с Кассандрой знакомства. На нем был голубой экзомис с белыми плечами. Длинные густые волосы не липли к лицу, а бороду старик тщательно расчесал, разделив на два клинышка. Сейчас Варнава был похож на милого, добродушного дядюшку; немолодого, но не утратившего силы. Через какое-то время он распорядился сушить весла и ставить парус. Матросы, как белки, взлетали по веревочным лестницам, разматывая и закрепляя снасти. Звук разворачиваемого паруса напоминал раскаты приближавшего грома. Нижняя часть полотна соскользнула с рангоута, обнажив герб в виде ярко-красного парящего орла. Парус тут же поймал ветер и раздулся, как грудь великана. Галера заскользила в восточном направлении. Все, кто находился на палубе, промокли в считанные секунды. За судном потянулась белая полоса пены.

Варнава подошел к Кассандре. Попутный ветер играл его волосами.

– Когда Циклоп засунул меня головой в горшок, я воззвал к богам. А потом явилась ты...

– Ты позвал. Я ответила, – сухо рассмеялась Кассандра.

– А сражалась ты, как царица амазонок, как сестра Ахилла! Орел Зевса постоянно кружил над твоей головой.

Икар, летевший за кораблем, одобрительно закричал, соглашаясь с Варnavой. Глаза капитана блестели от восхищения.

– В странствиях мне встречались люди, утверждавшие, что в их жилах течет кровь богов. Но трепать языком легко, а такие утверждения и ломаной драхмы не стоят... По-моему, истинным мерилom людей являются их дела.

Кассандра украдкой оглядела пустую, опрятную палубу. Под изгибом скорпионьего хвоста кормы притулилась тесная каюта. Матросы предпочитали размещаться по закоулкам и «птичьим гнездам». Кто-то восседал на рангоуте, болтая ногами. Кто-то спал в тени кормы, подстелив под головы свернутые плащи. Часть матросов драили снасти, скрашивая работу песней. Несколько человек играли возле перил в бабки. Тридцать человек, если она не ошиблась в подсчетах и заметила всех.

– Каждый из них мне как брат, – сказал Варнава, перехватив ее взгляд. – Им можно доверять. Но позволь вопрос: почему из всех мест, куда могла бы домчать тебя моя галера, ты выбрала... Мегариду? – спросил старик, глядя вдаль – туда, где находилось широкое устье Коринфского залива.

– Там ждет меня моя добыча. В мегаридском порту Паги.

– И там же, госпожа наемница, находится центр военных действий, – возразил Варнава. – Земли Мегариды кишат спартанскими фалангами, а воды запружены афинскими галерами. Последние не представляют для нас помехи. Пусть «Адрастея» невелика, да и возраст у нее уже почтенный, моя галера быстроходна, так же скоро разворачивается, а ее нос... по остроте не уступит орлиному клюву. Но при всем при том... мы достигнем Мегариды в тревожное время. Множатся слухи о Перикле, который ведет в Мегариду афинскую сухопутную армию, дабы разгромить спартанские полки. Какая добыча стоит того, чтобы влезать в самую гущу войны?

– Голова спартанского военачальника, – ответила Кассандра.

Матросы, слышавшие ее слова, от удивления разинули рты.

– Меня наняли убить того, кто зовется у них Волком, – сообщила молодая наемница.

Уверенность Кассандры в своих силах возрастала с каждой минутой плавания; особенно теперь, когда трирема скользила по глубоководью.

Варнава шумно выдохнул и невесело рассмеялся. Так мог бы смеяться человек, которому предложили взобраться по отвесной скале, смазанной маслом.

– Убить Волка? Тяжкое задание тебе дали, госпожа наемница. Говорят, у Николаоса из Спарты железные плечи. Он спит с копьем в руках, держа один глаз открытым. А его телохранители по свирепости не уступают демонам...

Кассандра не расслышала последних слов Варна-вы – в ее ушах поднялся оглушающий звон.

– Как ты сказал? – услышала молодая женщина собственный голос.

У Кассандры подогнулись ноги. Капитан смущенно смотрел на нее. Матросы подбежали, готовые подхватить свою спасительницу. Молодая женщина удержалась на ногах, вцепившись в перила, и стала смотреть в воду.

«Волк – это Николаос из Спарты? Меня послали убить своего отца?»

Элленор смотрел, как «Адрастея» вышла в открытое море и теперь неслась на всех парусах к Коринфскому заливу. Руки мужчины теребили странную маску, а сам он тихо посмеивался. На корме виднелась маленькая фигурка Кассандры. Поначалу она выглядела смелой и сильной. А затем вдруг поникла и обмякла, как от удара невидимой кувалды. Кассандра жестом отогнала пытавшихся ей помочь и опустилась на одно колено.

– Она знает... – промурлыкал себе под нос Элленор. – Началось.

4

– Убрать парус! – распорядился Варнава.

Белоснежный парус с горделивым красным орлом быстро превратился в тугой сверток. Тем временем на скамьи, обитые кожей, уселись гребцы: по десять человек с правого и левого борта. Каждый взял по пихтовому веслу, продел в кожаную петлю и насадил на уключину. Под ритмичные всплески весел галера поплыла дальше.

Впереди виднелись берега Мегариды. Они почти достигли места своего назначения.

Устроившись на корабельном носу, Кассандра разглядывала лес афинских галер, плывших впереди: полосатые паруса, трепещущие на легком ветру, пихтовые мачты, просмоленные борта. И на каждом – полным-полно воинов. Гоплиты в сверкающих доспехах, лучники, пращники, пельтасты. Часть галер перевозила даже фессалинских коней с наброшенными на головы мешками, чтобы животные не испугались морского простора. Плавающая армия загрохотала «Адрастее» путь к туманным мегаридским берегам и к гавани Паги.

– Я должна с ним сразиться, – шептала себе под нос Кассандра.

За два дня плавания эта фраза превратилась для нее в заклинание. Кассандра успела смириться с тем, что Волк – ее отец.

– Вот только как прорваться сквозь афинский частокол?

Галеры двигались плотными рядами, по четыре-пять судов в каждом. На палубах двух ближайших сгрудились пельтасты в белых туниках. Кто-то заметил, что их флотилию догоняет суденышко. Дерзкий мышонок, решивший наведаться в логово львов. Пельтасты что-то кричали, тыча пальцами в сторону «Адрастеи». Заметив незваного гостя, командир велел им забросать наглое суденышко копьями. Кассандра повернулась к Варнаве и матросам. Надо поворачивать! Она допустила ошибку. Может, они сумеют уклониться на север или юг и высадиться на другом берегу Коринфского залива? Оттуда за месяц она добралась бы до Пагов и...

– Кибернет! – загремел Варнава прежде, чем Кассандра успела открыть рот. – Поворачиваем... поворачиваем... поворачиваем!

На корме, изогнутой в виде скорпионьего хвоста, чернокожий рулевой по имени Реза взялся за парные рулевые весла. Его мускулистые плечи дрожали от напряжения. Чтобы развернуть галеру вправо, весла требовалось сдвинуть влево. Реза едва справлялся с задачей, пока двое матросов не прибежали ему на подмогу.

Вокруг галеры забурила вода. Судно резко накренилось вправо, чиркая по волнам. Кассандру с головы до ног обдало водой. Она схватилась за перила. Часть палубы стала мокрой. Позади «Адрастеи» покачивались на воде копья пельтастов. Ни одно из них не задело даже борта. Галера выровняла крен, и тут Кассандра заметила впереди одинокую афинскую трирему. Она двигалась левым бортом, оказываясь на пути «Адрастеи». Варнава тоже заметил эту трирему в гуще других кораблей – слабое звено в афинской блокадной цепи.

– И-и-и... раз – налегай... раз – налегай... раз – налегай... – все быстрее и быстрее повторял келевст. Он ходил между гребцами, неистово ударяя кулаком одной руки в ладонь другой. Гребцы откликнулись на его призывы. Их весла заставляли «Адрастею» лететь с немислимой скоростью... Бронзовая баранья голова была направлена прямо в борт одинокой афинской галеры.

– Держитесь! – закричал Варнава.

Окружающий мир взорвался, сотрясаемый грохотом ломающегося борта афинского судна. Кассандре казалось, что ей только чудом не вывихнуло плечи. «Адрастея» накренилась. Небо временно потемнело от облаков, состоявших из древесной пыли, щепок и обломков. Под крики афинян «Адрастея» разрезала их судно на две части, которые разошлись, будто створки дверей. Высокая мачта накренилась и упала. Находившиеся на афинской галере мат-

росы хватались за все, что можно, только бы не упасть в воду. «Адрастея» же поплыла дальше, и звуки суматохи на тонущей афинской галере постепенно становились все тише, пока совсем не смолкли.

Кассандра оглянулась на взбаламученные воды, куда погружались остатки афинского корабля. У нее не было сомнений, что весь флот теперь устремится за ними в погоню.

– Афиняне не станут нас преследовать, – успокоил молодую наемницу Варнава. – Подходить слишком близко к берегу ради поимки одного кораблика? Они не рискнут.

«Берег», – подумала Кассандра, глядя на усеянную галькой полосу земли и отвесные скалы вокруг гавани Паги. Все оправдания остались позади. От этой мысли ей в сердце вонзились дюжины ледяных шипов. Волк был здесь. Глаза Кассандры прочесывали берег. Никого.

Под днищем «Адрастеи» закрипела галька. Кассандра прыгнула за борт, оглядывая пустынный берег. «Где же ты, Волк?»

Отчаянный вздох, раздавшийся поблизости, заставил ее вздрогнуть. Ступая по мелководью, на берег выбирался афинский воин с располовиненной галеры. Он тяжело дышал и постоянно отплевывался. Его сине-белый экзомис насквозь промок. Глянув в сторону, Кассандра увидела и других спасшихся. Их были сотни. Некоторые плыли на щитах, как на лодках. Почти все – с оружием. Издали, с афинских галер, доносились ободряющие крики. На мгновение Кассандре показалось, будто афиняне успешно высадились на берег и готовы его занять... пока из соснового леса им навстречу не устремились воины в малиново-красных одеждах.

Кассандра спряталась в зарослях утесника, наблюдая за спартанским лохосом – военным подразделением пехотинцев. Их было около пятисот. Чистокровные спартанцы, которых с каждым годом становилось все меньше, составляли лишь пятую часть войска. Малиново-красные плащи развевались на ветру. Волосы и бороды воинов, заплетенные в косы, раскачивались, словно веревки. Босые, пехотинцы строем двигались к берегу. В лучах предвечернего солнца сверкали их шлемы. На бронзовых щитах была начертана кроваво-красная буква «лямбда». Их копья, нацеленные на афинян, напоминали пальцы палача, выносящие своей жертве смертный приговор.

Спартанцы действовали молча. Злость перекашивала их лица. Пущенные ими копья косили афинян. Воздух над мелководьем и берегом подернулся красным туманом. Повсюду звучали предсмертные крики. Афинян, продолжающих подплывать и выползать на берег, встречали безжалостными ударами спартанских копий. Чтобы не тупить лезвия, врагов убивали древками, к концам которых были приделаны бронзовые шипы. Когда семеро афинян дерзнули вступить в сражение, один из спартанцев устроил им кошмар наяву. Кассандре не удавалось увидеть его лица, закрытого старинным коринфским шлемом. На нем был красный трибон – плащ, какой обычно носили философы. Солнце играло на острие его копья. Этот титан враз уложил всех семерых своих противников. За считанные минуты все, кто спасся с располовиненной афинской галеры, превратились в скопище трупов. Мелководье, где плавало большинство из них, окрасилось в красный. Над бухтой установилась скорбная тишина, нарушаемая лишь плеском волн.

Наконец-то Кассандра увидела его во весь рост, и тут же узнала его по переkreщенным перьям – символу военачальника, – таким же красным, как его мокрый от крови плащ. Кассандра попыталась рассмотреть лицо Волка, скрытое в тени шлема. Воспоминания о прошлом жгли нутро молодой наемницы, словно языки пламени. Сердце ее гулко колотилось, копьё Леонида в руках дрожало – Кассандра была не в силах скрыть свое нетерпение.

Воины, окружавшие Волка, приветственно подняли копья.

– Ару! – громко и торжественно прокричали они. Этот вопль вернул Кассандру в холодную реальность: боевой дух воинов был как нельзя силен. К тому же противников было слишком много. Сейчас не время для удара. Молодая женщина разжала пальцы, накрыв полукопье

плащом. Огонь внутри ее погас. Меж тем Волк подошел к молодому командиру своего отряда и опустил руку на его плечо:

– Ты хорошо сражался, Стентор.

С этими словами спартанский военачальник, ее отец... и ее цель, покинул бухту. Он направился к тропе, змеящейся между прибрежных скал. С ним ушло еще несколько воинов.

Кассандра оглянулась назад и различила в глазах Варнавы тревогу. «Жди здесь», – одними губами прошептала молодая женщина, затем выбралась из зарослей утесника и пошла к спартанским воинам. Стентор первым заметил приближение незнакомки и выступил вперед, преграждая путь.

Он был немногим старше ее. Лет тридцати, наверное, учитывая, что Волк уже сделал его командиром. Стентор бесстрастно взирал на незнакомку. Иссиня-черная борода и усы окаймляли его тонкие губы. Его нос по форме напоминал лезвие меча. Сильный. Худощавый. Даже слишком. От тягот сражений или от недоедания? Губы Стентора скривились, готовые произнести язвительные слова, но тут он заметил стоящую на якоре «Адрастею». Затем взгляд молодого командира переместился на трупы афинян и дальше – туда, где плавали обломки афинской галеры.

– Ты... ты разломила надвое их галеру? – спросил Стентор.

Ему вторило щелканье клюва. Невдалеке гриф опустил на голову убитого афинянина, выклеывая глаза.

– Она загоразивала мне путь, – в той же лаконичной манере ответила Кассандра.

Во взгляде Стентора мелькнуло уважение. Затем он поднял голову вверх, где на вершине прибрежной скалы стоял Волк, опираясь на палку и разглядывая панораму бухты и залив. Плащ спартанского полководца переливался в лучах закатного солнца.

Кассандра сообразила, что подозрительно долго смотрит на Волка. Стентор тоже это почувствовал.

– Что тебе надо от Волка? – резко и с нескрываемым подозрением спросил молодой командир.

– Я хочу... ему служить, – с деланным бесстрашием ответила Кассандра.

– Стало быть, ты – мисфиос. Думаешь, мы нуждаемся в помощи? Не на твоих ли глазах мы расправились с этими афинскими дурнями? Или ты не знаешь, что Мегара по-прежнему в руках спартанцев?

– Пока что, – сказала она. – Однако я слышала о замыслах афинянина Перикла двинуть на Мегару большую сухопутную армию.

Стентор скривил верхнюю губу.

– Не сомневаюсь, твои воины одержат победы во многих сражениях, – сказала Кассандра, опережая готового разразиться проклятиями Стентора. – Но разве не найдется дел, которые можно поручить наемнице? Я прошу всего лишь место в твоем лагере и безопасную стоянку для моего корабля и матросов, пока я здесь.

Стентор фыркнул, выказывая легкое изумление:

– Ты хочешь служить нам. Неужели ты всерьез думаешь, что я позволил бы наемнице находиться рядом с моим отцом?

Сказав это, Стентор бросил взгляд на своего командира, все еще стоявшего наверху.

– Так ты... сын Волка? – дрогнувшим голосом спросила Кассандра.

– Он усыновил меня вскоре после смерти обоих его детей, – пояснил Стентор. – Он был моим учителем во всем. Благодаря Волку я теперь командир этого полка. Волк для меня – образец для подражания. Я охотно последую за ним к воротам подземного мира.

– Я лишь прошу дать мне шанс служить этому великому полководцу.

Стентор недоверчиво смерил Кассандру взглядом с головы до ног, будто торговец, оценивающий лошадь и готовящийся закрыть сделку.

– Нет. Ни один наемник никогда не войдет в наш лагерь и не окажется вблизи Волка, – возразил молодой командир. – Довольно того, что ваша порода и так рыщет в здешних краях, работая на Афины... – Стентор наморщил нос. – Гирканос и подкупленные им мерзавцы недавно напали на наши повозки с провизией. Мои воины остались без хлеба. Иные охотятся за головой моего отца, поскольку за нее назначена награда. В лапах Волка и так застряло немало колючек. Новых я не допущу. Ведь и ты могла появиться здесь, чтобы убить моего отца. – Молодой мужчина сурово посмотрел на свою собеседницу. – Так что отправляйся спать на свой корабль, чужестранка, и скажи спасибо, что позволяю тебе унести ноги.

За спиной Стентора негромко лязгнули копыта, показывая Кассандре, что разговор окончен. Молодая женщина слегка поклонилась и побрела к своему кораблю – не слишком надежному убежищу против такой армии.

Ужин Кассандры состоял из соленых сардин и хлеба, который она размочила в изрядно разбавленном вине. Поев, молодая женщина улеглась спать на носу галеры. Над бухтой стояла мертвая, пугающая тишина. Тело саднило от дневного напряжения, голова соображала плохо. Сон не шел. Тогда Кассандра уселась на перилах, подтянув колени к груди. Икар примостился рядом, чистя перышки. Серп луны освещал воды Коринфского залива. На афинских галерах горели факелы. Над скалой стояло оранжевое зарево костров спартанского лагеря. Берег и мелководье были ничейной землей. На палубе храпели матросы. В воздухе ощущалось трупное зловоние. Спартанцы сняли с убитых афинян доспехи, но хоронить павших не стали.

Плеск весел заставил сердце молодой женщины сжаться. Ночная атака? Но к берегу со стороны афинских галер двигалась маленькая лодка. В ней сидели двое – без доспехов и оружия. Достигнув берега, они направились к спартанскому лагерю. Смелчаки. Возможно, это плавание было последним в их жизни. Однако двое вскоре вернулись, сели в лодку и уплыли, а через некоторое время к берегу подошло несколько лодок с безоружными афинянами. Они принялись рыть могилы, хороня убитых. Свирепые противники Афин дали на то великодушное разрешение.

Кассандра подняла глаза к вершине скалы и вновь увидела там Волка, наблюдавшего за похоронами. Над ним чернело небо, усеянное серебристыми точками звезд. «Ты сейчас наверняка хвалишь себя за проявленное великодушие, – с ненавистью думала Кассандра. – Но где было твое милосердие тогда, на вершине горы?»

На протяжении всего следующего месяца «Адрастея» стояла на якоре близ Пагов, и Кассандра употребила это время на завоевание доверия спартанцев. Днем она тенью следовала за ними, в то время как эти brave воины зорко следили за берегом, защищая немногочисленные удобные бухты на случай подхода афинских галер. Довелось Кассандре и отражать нападение афинской пехоты с севера. Дважды она помогала повернуть исход сражения в пользу спартанцев. В первый раз это произошло, когда спартанцы ожидали подхода афинских трирем. Кассандра, устроившись на камнях, обстреляла суда зажигательными стрелами. Вражеские корабли сгорели, так и не достигнув берега. Стентор тогда вел себя как стервятник, у которого из-под носа уволокли падаль. Через несколько дней Кассандра вновь присоединилась к сражению, выскочив из-за деревьев и убив искусного афинского воина. Стентор наградил ее гневной тирадой и даже вытащил из ножен меч на четверть длины лезвия.

– Держись подальше от моих солдат. А от моего отца – и того дальше! – гневно потребовал он.

Но под глазами молодого командира темнели круги. Да и шаги спартанских солдат потеряли былую силу и упругость. Несмотря на свою гордость и стойкость, с которой воины не поддавались голоду, украденные повозки с провиантом означали, что многие из них уже несколько недель не ели досыта.

Спартанское доверие было подобно тяжелому железному замку. Кассандра вдруг поняла, что поможет ей отпереть этот замок. Зерно. И тогда молодая женщина встала, неслышно покинула корабль и отправилась вглубь материка.

Лагерь спартанцев занимал всю вершину скалы. Сейчас вокруг него горели факелы. По периметру стояли бдительные караульные с бесстрастными лицами. Шипы их копий были воткнуты в землю, отчего сами копья стояли ровно, словно колья. Скириты расположились на возвышении, среди деревьев. Они славились как меткие копьеметатели и превосходные ночные дозорные. Скириты не являлись чистокровными спартамцами, но их воинское искусство ценилось. А внутри лагеря у костров сидели спартанские воины, раскатисто смеясь и потягивая из кофонов жидкую «черную похлебку». Иные точили копья. Несколько человек стояли совсем голыми. Рабы-илоты намазывали их жилистые тела особым маслом, чтобы потом стригилями соскрести грязь и пот.

Стентор тоже сидел у костра, разведенного в самой середине лагеря: усталый, голодный и злой. Не в силах заснуть, он встал и для компании разыскал еще нескольких воинов, страдавших бессонницей. Их он привел к костру, чтобы вместе коротать ночные часы.

– А ну-ка, спойте мне что-нибудь из стихов Тиртея, – велел он. – Одну из его боевых песен.

Двое спартанских воинов, сидевших напротив, смущенно закашлялись, зашаркали ногами, затем весьма скверными голосами затянули песню, написанную около трехсот лет назад величайшим поэтом Спарты. Вскоре на лице Стентора появилась гримаса недовольства.

– Лучше прекратите, пока тень этого великого человека не явилась сюда и не вырвала вам языки!

Стентор посмотрел в сторону бухты, где на волнах покачивалась «Адрастея». Эта докучливая наемница торчала здесь почти два месяца. Все изнуряюще жаркое лето. Ее вмешательство в сражения спартанцев бросало тень на их победы. А уж что говорить про ее стрельбу из лука. У спартанцев это оружие никогда не было в почете.

Как-то Стентор спустился вниз, чтобы посмотреть на своих воинов, упражняющихся в боевых искусствах. Выстроившись двумя фалангами, спартамцы сошлись в потешном сражении. Стентор хрипло посмеивался и рукоплескал, глядя на сходящиеся шеренги, где воины сшибали противников, хвастаясь количеством «убитых». Под конец на ногах остался только один воин. Остальные сидели и лежали, протяжно стона. Стентор ликовал. Он двинулся в сторону победителя... пока не увидел, что под красным спартанским плащом и бронзовым шлемом сражался вовсе не урожденный Лаконии. Это была она. Она!

Стентор обрушился на спартанцев, словно коршун на беззащитную пташку, отчитав их за то, что позволили наемнице упражняться вместе с ними да еще дали ей спартанское копье и щит.

– Но она их заслужила, господин, – возразил кто-то из воинов. – У этой женщины крепкая спартанская выучка, хотя она и отказывается назвать имя своего наставника.

Кто-то из побежденных в потешном сражении решил было приударить за ней: схватил и попытался поцеловать. Бедняга до сих пор отсидивался в углу лагеря с разбитой челюстью и помятыми яйцами. Стентора настораживали сообщения скиритов. На протяжении последнего месяца, едва стемнеет, наемница постоянно уходила вглубь материка. «Кто же ты на самом деле?» – размышлял молодой командир.

Но вскоре думы о личности наемницы сменились иными, куда более тревожными. Ее слова, произнесенные в день их первой встречи, подтвердились. Афинянин Перикл двигался на юг с сильной армией гоплитов, чтобы лишить спартанцев власти над Ме-гаридой. Спартамскому командиру не оставалось ничего другого, кроме как отправиться наперехват. Союзников уже оповестили, призвав влиться в спартанские ряды. Стентор сердито теребил волосы. Все

эти разговоры об афинских героях, о численности вражеских сил; гнусные перешептывания о неминуемом поражении спартанцев, которое войдет в историю... Они вгрызались в боевой дух Стентора наравне с голодом, терзавшим его пустой желудок.

Тишину нарушил звук быстрых шагов. Кто-то двигался между шатров в его сторону. Стентор вскинул голову, рывкнув:

– Караульные!

Невдалеке показалась тень, которая направилась прямо к костру, возле которого сидел молодой командир. Стентор вскочил, хватаясь за короткий меч. Тень остановилась и метнула в сторону огня какой-то тяжелый предмет. Тот упал рядом с костром и при падении задел острый камень. Из прорехи в мешке посыпалась драгоценная пшеница. Собравшиеся уставились на нее, словно то была россыпь золота, а не зерна. Тень вошла в круг света, отбрасываемого костром, и Стентор тут же понял, кто перед ним. Кассандра походила на охотницу, которая не сводит глаз с будущей жертвы.

– Мисфиос? – прорычал молодой командир.

– Гирканос мертв. На протяжении последнего месяца я выслеживала его и наконец настигла. Этим вечером я пробралась в его лагерь, убила его и сообщников. Там же я обнаружила более дюжины повозок с краденым зерном. Теперь ты и твои воины сможете есть досыта и еще до подхода наземной афинской армии восстановите силы.

Стентор встал, испытывая радость и гнев одновременно.

– Получается, ты снова нас спасла? – без тени благодарности спросил он. – Желаете, чтобы мы склонили головы и славили тебя?

– Я прошу лишь о встрече с Волком, – спокойно ответила Кассандра.

Гнев Стентора улегся, а в мозгу появился замысел, показавшийся ему блестящим. В грядущем сражении ни одно копьё не будет лишним.

– Похвальная настырность. Такая встреча может состояться, но при одном условии. – Стентор ткнул пальцем в молодую женщину. – Когда мы выступим навстречу афинским фалангам, ты, мисфиос, отправишься в составе моего воинского братства. Я поручусь за тебя. На берегу ты хорошо показала себя. Но потешное сражение на песке не может выявить истинных качеств воина. Ты должна доказать в настоящем бою, что достойна называться гоплитом, быть частью стальной стены.

Замысел Стентора вызвал громкий смех сидевших у костра спартанцев. Сам он хотел, чтобы Кассандра, услышав о грядущем сражении, съезжилась от страха. «Беги, наемница, – мысленно понукал он. – Уноси ноги, пока не поздно!»

Кассандра выдержала направленный на нее взгляд:

– Дай мне копьё и щит, и я буду сражаться, как надлежит спартанцу.

Усмешка тут же сползла с лица Стентора. Теперь его глаза сверкали холодной яростью.

Два громадных клубящихся облака пыли над Мегаридой были похожи на змеев-соперников. Они сопровождали две могущественные армии, направлявшиеся к месту сражения. С самого утра Варнава вел себя как старая наседка. Он норовил снабдить Кассандру дополнительными ломтями хлеба и проверял, достаточно ли у молодой женщины воды.

Фаланга, в которой шла Кассандра, половину утра двигалась от Пагского залива на север. Вспоминая заботливого капитана «Адрастеи», молодая женщина гадала, свидятся ли они снова. В ушах, сдавленных шлемом, гулко стучала кровь. Кассандра шумно дышала, морщась от зловонного пота, запахом которого был пропитан воздух. Плечо рослого спартанца, шедшего слева, постоянно терлось о ее руку. Щит, прикрепленный на спине, врезался в плечи, а древко гоплитского копья царапало руку. Оружие Леонида молодая женщина оставила на «Адрастее», иначе Волк мог увидеть полукопье и понять, кто перед ним. Кассандра окинула взглядом людей Стентора: тридцать один бородатый воин и у всех – каменные лица. Волк тоже

шел с ними. Другие отряды составляли туловище и хвост длинной малиново-красной змеи. Помимо спартанцев, на бой с афинянами шли союзники пелопоннесцев: фиванцы, коринфяне, мегаридяне, локрианцы. С ними численность армии Волка возросла до семи тысяч. Впереди всех двигались скириты, наряду с беотийской конницей образуя авангард. Милую за милей армия шла по пересеченной местности с каменистыми холмами и перелесками.

А потом спартанцы и их союзники увидели второе пыльное облако, не уступавшее по размерам их собственному. И железную стену на его фоне.

Сталь, бронза, голубые с белым одежды и такие же знамена. Афинские войска растянулись по всему горизонту. Кассандра мысленно прикинула их численность: где-то около десяти тысяч. Завидев приближающихся противников, афиняне принялись выкрикивать насмешки и оскорбления, подкрепляя их язвительными песнями.

Вдоль спартанских рядов разнеслись отрывистые слова команд. Хвост армии стремительно двинулся вперед. Спартанцы оказались на правом фланге, союзники – посередине, а скириты – слева, образовав широкий фронт, который не уступал афинскому. Топот сапог смешался негромким лязгом металла и поскрипыванием дерева. Каждый воин надевал щит, и все вместе они создавали стену из бронзы и ярких эмблем. На щитах пелопоннесских союзников были изображены молнии, змеи и скорпионы. Кассандра тоже надела щит, просунув левую руку в бронзовый рукав и закрепив кожаную манжету.

Наступила тишина, которую нарушало лишь легкое дуновение ветра. Затем послышалось испуганное козье меканье. Седовласый спартанский жрец тащил на веревке упирающуюся козу. Он остановился перед Волком. Кассандра смотрела на изможденного старика с лавровым венком на голове и костлявыми нагими плечами. В мозг хлынули воспоминания о страшном вечере в горах. Перепуганная коза больше не дергалась. Жрец приставил нож к ее горлу, затем воззвал к небесам, умоляя богов явить свою милость. Окончив молитвы, старик полоснул ножом по шее несчастного животного. Коза дернулась и упала. Из широкой раны хлестала кровь.

Когда животное перестало дергаться, жрец провозгласил, что боги довольны. Волк поднял руку, и тут же все воины вознесли к небу свои копья. Их острия, словно железные пальцы, указывали в сторону афинян.

Спартанец за спиной Кассандры, на котором не было доспехов, поднес к губам авлос. Две трубы этого инструмента торчали в стороны наподобие слоновьих бивней. Набрав в грудь побольше воздуха, трубач дунул в свой инструмент, и низкий, леденящий душу стон поплыл над равниной. У Кассандры мурашки забегали по телу. Она узнала мелодию – «Гимн Кастору», который пробуждал в молодой женщине память об успехах детства и лучших временах. Кассандра смотрела на афинские шеренги. Во рту у нее совсем пересохло, зато мочевого пузыря распух до величины перезревшей дыни. Она знала, что способна сразиться и победить любого воина. Ведь сам Волк все детство неумоимо обучал ее искусству ведения боя в составе фаланги, показывая, как надо стоять, как сохранять силу, как двигаться и наносить удары. Совсем недавно спартанцы на берегу по достоинству оценили ее воинские навыки. Однако в настоящем сражении Кассандра участвовала впервые, и это действо вызывало в ней странные и тревожные ощущения.

– Боишься, мисфиос? – спросил Стентор, стоявший справа от нее. Кассандра даже не взглянула на собеседника. – Идти в бой – это как бежать с цепями на ногах. Повернуться и удрать нельзя из страха опозориться. Вильнуть в сторону или пригнуться, как в поединке, – тоже. Ты – часть стены, часть спартанского военного механизма. И этой частью стены ты и останешься. Здесь ты сразу понимаешь разницу между потешным и настоящим боем. На этом поле тебе предстоит сразиться и победить... или сразиться и умереть. – Стентор сделал глубокий вдох, потом усмехнулся. – Но ты должна радоваться, потому что только на грани смерти можно жить в полном смысле этого слова.

– Ты хочешь, чтобы я сбежала, – прошипела Кассандра. – Не дождешься.

– Возможно. Зато ты наверняка кое-чему научишься, наблюдая за мной, потому что сегодня я стяжаю славу для Волка. Я стану его защитником. И не с кем-нибудь, а со мной он захочет насладиться победой после трудного боя!

Кассандра искоса посмотрела на Стентора, решив не продолжать этот разговор. Но ей не удавалось остановить мысли. Если бы ее жизнь сложилась по-другому, если бы не было того вечера на горе, может, это она была бы сейчас на месте Стентора? Или Алексис? Вопреки решению молчать, Кассандра ответила:

– Волк... Если сегодня меня убьют, я так и не встречу с ним. Расскажи мне о нем.

Глаза Стентора вспыхнули, как раскаленное железо.

– Рассказать про его охрану и повседневные дела? Тебе ведь хочется выведать эти подробности? Думаешь, я забыл, что ты – мисфиос?

– Я не об этом, – вздохнула Кассандра, поворачиваясь к Стентору. – Какой он... отец?

Железная броня Стентора дала трещину. Впервые Кассандра увидела в его глазах что-то мальчишеское. Один этот взгляд говорил о многом. Стентор молчал. Через мгновение его лицо вновь стало холодным, исполненным ненависти. Трубы авлоса продолжали исторгать жуткие звуки. Кассандра решила, что время разговоров закончилось. Она едва не подскочила, когда Стентор все же ответил:

– Он сильный. Заботливый. Хороший отец. Но бывают моменты, когда он будто сам в это не верит. Его взгляд становится отрешенным. Грусть окутывает его холодным туманом. – Стентор коротко рассмеялся, и на мгновение в нем опять проглянул мальчишка. – Думаю, у каждого из нас есть, о чем сожалеть и в чем раскаиваться.

– Конечно есть, – ответила Кассандра, с очерстевшим сердцем посмотрев в сторону Волка.

«Но вскоре некоторые ошибки прошлого будут исправлены», – мысленно добавила молодая женщина.

Душераздирающий стон авлоса умолк. Оскорбительные и непристойные выкрики афинян тоже стихли.

Сотни младших командиров по обеим сторонам выкрикивали приказ наступать. Спартанцы и их союзники, словно громадная рука, лежащая на столе, сдвинулись с места. Их походка удивила Кассандру.

Фаланги двигались в ногу, причем быстро и в полном молчании. Союзники пели и кричали, однако спартанцы были немые, а их пристальные взгляды жгли ненавистью. Расстояние между армиями быстро сокращалось. Кассандра увидела, что на них движется афинская таксиархия – полк гоплитов в белых туниках с сапфировой полосой на правом плече. Голову их таксиарха венчал аттический шлем с перьями, грудь защищал старинный бронзовый торакс, а ноги были обуты в белые кожаные сапоги, отделанные золотом. На подходе таксиарх испустил устрашающий боевой клич:

– Элелелелеф! Элелелелеф!

Сердце Кассандры застучало, как копыта несущейся лошади. Ей вспомнился вопрос Стентора: «Боишься, наемница?» Сейчас бы молодая женщина, не кривя душой, ответила «да». Кассандра печатала шаг, стараясь не поддаваться страху. Меж тем острия афинских копий неумолимо приближались...

Раздался скребущий звук. Смертоносные острия царапали по ее щиту, и у Кассандры от каждого такого скрежета перехватывало дыхание. Иные копья со свистом проносились рядом с ее головой, а другие, падая, задевали лодыжки. Вдоль цепей стоял оглушающий звон и лязг железа и бронзы, словно орава великанов скрежетала металлическими зубами. Часть воинов ударяла по вражеским щитам, сдвигая те в сторону, а их товарищи, идущие рядом, били уже по ребрам и животам своих противников. Эта тактика в первые же минуты сражения унесла

сотни жизней. Истошные крики, предсмертное бульканье в глотках, глухой стук выпадающих кишок сливались в оглушающую какофонию. Вражеское копьё полоснуло Кассандре по щеке, отхватив прядь волос. Потекла кровь, обжигая молодой женщине кожу. Кассандра чувствовала ее запах, а вскоре ощутила во рту металлический привкус. Заметив в спартанских рядах женщину, таксиарх устремился к ней, посчитав слабым звеном. Навыки мисфиос в плотной стене спартанских гоплитов были бесполезны. Единственное, что оставалось Кассандре, – это закрываться щитом и нацеливать копьё в противника.

– Глядите-ка, спартанцы притащили на поле боя какую-то суку! – похабно засмеялся таксиарх.

Воздух все гуще наполнялся удушающим зловонием самопроизвольно опорожняющихся кишечников и мочевых пузырей. От проливаемой крови над полем боя повис красный туман. Таксиарх переусердствовал и сломал копьё. Число сломанных копий, как и число убитых, измерялось сотнями. Железные зубы значительно поредели. Фаланги продолжали наступать, пока щиты одной стороны не наталкивались с глухим стуком на щиты другой. Кассандра оказалась нос к носу с афинским таксиархом. Теперь не только ей, но и всем спартанцам пришлось схватиться врукопашную с врагом, имевшим численное превосходство.

– А тебе, спартанская сука, я отрежу соски, – прорычал таксиарх, брызгая слюной Кассандре в лицо. – Потом привяжу твой труп к лошади и проволоку по земле, пока не надоест.

Стентор, с черным от пролитой вражеской крови лицом, по-прежнему находился справа от нее.

– Вытаскивай меч, мисфиос, – прохрипел он и воткнул свой короткий меч в горло афинянина, с которым вел поединок.

Кассандра видела: таксиарх рассчитывал ударить первым, но ее молниеносное проворство позволило молодой женщине одержать верх. Выхватив кривой кинжал, полученный утром, она вогнала лезвие глубоко в глаз бахвалящегося таксиарха. Насмешки сменились пронзительным криком боли. Через мгновение таксиарх был мертв. Командование перешло к другому афинянину. Отчаянное сражение противоборствующих сторон продолжалось, отовсюду слышались крики и вопли умирающих... пока не настал переломный момент. Афиняне попятились назад. Шаг за шагом они отступали. Вместо лихих боевых песен слышались крики отчаяния. Численное превосходство не перевесило знаменитую спартанскую силу воли. Афинские фаланги дробились. Афинские воины целыми толпами торопились убраться с поля боя, на бегу швыряя щиты. Неимоверное напряжение, ощущаемое Кассандрой, постепенно ослабевало. Стентор посмеивался, глядя, как беотийские конники атаковали афинян с одного фланга, а пельстаты – с другого, забрасывая копьями немногочисленные афинские отряды, которые продолжали упорно сопротивляться.

– Танец войны почти окончен, – ликующе заявил Стентор. – Видела, как афиняне нас боятся? Перикл торопится скрыться в своем Парфеноне. Болтать с сочинителями комедий и софистами – это тебе не воевать со спартанцами! Он знает: дни Афин в Мегариде сочтены. Сами Афины станут нашей следующей целью!

Уши Кассандры слушали смелые заявления Стентора, но глаза продолжали следить за позициями спартанцев. Увиденное ее насторожило: Волка ранили. Рядом – никого из своих, а ему противостояли четверо крепких афинян. «Нет, он мой!» – крикнула про себя Кассандра. Не мешкая, она устремилась к Волку. Первого афинянина молодая женщина сбила с ног, ударив щитом по затылку. Второго пырнула кинжалом в бок. Тот упал как подкошенный. Третий подскочил к Волку, собираясь пронзить его копьем... но оружие так и осталось в руке нападавшего. Кинжал Кассандры разорвал на противнике экзомис, пропорол кожу, пробил жилы и кости, вонзившись в легкое. Корчась в судорогах, афинянин упал и уже не поднялся. С последним нападающим Волк расправился сам: умбоном щита сломал ему нос, затем ударил копьем в горло. Афинянин рухнул. Из запрокинутой мертвой головы высунулся язык.

Тяжело дыша, Кассандра опустилась на колени. Волк был совсем рядом, а у нее – никакого оружия. Предводитель спартанцев мельком взглянул на Кассандру. Вскоре его окружили соотечественники. Все подняли копья, и над пыльным, густо политым кровью местом сражения пронеслось громкое «Ару!».

Союзники шумно праздновали победу. Спартанцы молчали. Этот крик был единственным выражением торжества, которое они себе позволили. Уперев древки копий в землю, эти brave воины неторопливо глотали воду из бурдюков. Лишь некоторые вполголоса перебрасывались короткими фразами.

«Наша работа – убивать во славу родины или умирать за нее, – сказал однажды Кассандре Николаос. – И делаем мы это тихо, без лицедейства».

Кучка спартанцев снимала с убитых афинян доспехи. Тихо, не превращая это в зрелище. Вражеские копья они втыкали в землю крест-накрест, чтобы затем украсить вражескими же доспехами, шлемами и щитами. Под конец сооружение приобрело вид четырехглавого афинского гоплита. Простой, неброский памятник победе над Афинами. Над валяющимися трупами жужжали полчища мух, а выше кружили орлы-стервятники.

К Кассандре подошел один из подручных Волка: – Ты и есть знаменитая мисфиос?

Подняв глаза на спартанца, молодая женщина молча кивнула.

– Волк восхищен твоими умелыми действиями в минувшем сражении. Когда вернемся в лагерь близ Пагов, он приглашает тебя к себе, – сообщил воин.

Краешком глаза Кассандра увидела потемневшее от ярости лицо Стентора.

К вечеру воздух наполнился зловонными сернистыми испарениями – первый признак надвигающегося шторма. Небеса стонали и трескали, готовые взорваться бурей. Вернувшись на борт «Адрастее», Кассандра была немногословна. Отметая все попытки Варнавы осмотреть ее раны, она прикрепила к поясу полукопье, потом запрокинула голову, оглядела спартанский лагерь и прилегающий выступ, куда была приглашена.

– Я скоро вернусь, – угрюмо сказала молодая женщина капитану. – Готовься к спешному отплытию... От твоей скорости будут зависеть наши жизни.

Кассандра выбралась на берег и стала подниматься по крутой тропе. Ее черный плащ развевался на ветру, коса хлестала по плечам. Достигнув вершины скалы, молодая женщина направилась к выступу... и застыла на месте.

Вот он, Волк. Стоит к ней спиной и задумчиво смотрит на беснующиеся воды залива, словно они – его давний враг. Кассандра шагнула к нему. Сердце у нее бешено колотилось. Кроваво-красный плащ Волка, раздуваемый ветром, пробудил воспоминания о подъеме на Тайгет.

В черных кудрях, выбивавшихся из-под шлема, молодая женщина заметила седые прядки. Полы плаща Волка приоткрывали узловатые икры ног, не один десяток лет топчущих землю. Сильных, но усталых.

Кассандра беззвучно приближалась, однако Волк почуял ее и слегка наклонил голову вбок.

«Конечно, он меня услышал, – мысленно отчитала себя Кассандра. – Он же спартанец, с рождения обученный искусству бесшумно подкрадываться».

Она остановилась.

Волк медленно повернулся к ней.

Небо над ними расколосось от грома.

Волк смотрел на нее сквозь Т-образное забрало шлема. Цепким, спартанским взглядом, который перенял от него Стентор. Плащ был надет на голое тело, усеянное шрамами бывших ран. Сегодня к ним добавилась еще одна, полученная в битве с афинянами. Лекари успели

ее перевязать. Прожитые годы не были к нему милосердны. «И я тоже не буду», – пообещала себе Кассандра.

– Так ты и есть тень, что месяцами следует за моей армией, – начал Волк. – Подойди. Расскажешь, почему все это время ты так храбро сражалась, не требуя никакой платы.

Голос у него был таким же глубоким, как она помнила, но время чуть смягчило его резкие интонации.

Кассандра смотрела в отцовские глаза, сверкнувшие в свете молнии, зигзаг которой раскроил небо над заливом. «Неужели ты меня не помнишь? После того, что ты сделал?»

– Мое доверие заслужить нелегко. Но тебе это удалось, и в будущем тебя ожидает достойное вознаграждение за твой ратный труд и...

Налетевший ветер распахнул плащ Кассандры, словно боевое знамя, и из-под него показалось... полукопье Леонида.

Волк замолчал. Другая молния, сверкнув за спиной молодой женщины, осветила глаза ее собеседника: широко распахнутые, пристально глядящие, ошеломленные.

– Ты... – прохрипел Волк.

Рука Кассандры потянулась к старинному копыю. Стоило ей коснуться древка, как молодая женщина снова оказалась в когтях прошлого.

Я смотрела в черную пропасть и тщетно надеялась, что она... не настоящая. Холодный дождь, падающий туда вперемишку со снегом, утверждал обратное. Алексис мертв.

– Убийца! – завопил жрец, и его пронзительный крик словно косой полоснул по зимней буре. – Она убила эфора!

– Она навлекла проклятие на Спарту, обрекла всех нас на погибель, предсказанную оракулом! – подхватил другой жрец.

Голоса смолкли и тут же зазвучали снова:

– Ее нужно покарать смертью. Николаос, сбрось в пропасть и ее. Пусть заплатит за бесчестье.

Ледяные пальцы коснулись моей спины. Отвернувшись от пропасти, я увидела дрожащую мать. Какой-то старик по-прежнему удерживал ее. Рядом стоял отец. Его могучие плечи ссутулились. Ужас перекошил ему лицо.

– Она должна умереть, – завывал лысый жрец. – Если ее оставят в живых, ты, Николаос, отправишься в изгнание. Позор будет следовать за тобой по пятам. Жена тебя возненавидит.

– Нет! – закричала Миррин. – Николаос, не слушай их!

– Даже илоты будут плевать, слыша твое имя, – продолжал жрец. – Поступи как истинный спартанец.

– Ради Спарты! – взвыло большинство собравшихся.

– Нет! – прохрипела мать, у которой сел голос. В тот момент мне больше всего хотелось снова оказаться дома, у очага, поскольку происходящее могло быть только ночным кошмаром и ничем иным. Отец шагнул ко мне. На него дождем продолжали сыпаться проклятия и жесткие требования жрецов. Мольбы матери их отгоняли. Я раскинула руки, чтобы отец принял меня в свои объятия. Он меня защитит, убережет от злобных старцев. Это было мне столь же очевидно, как ежеутреннее восхождение на востоке бога солнца Аполлона. Отец остановился передо мной и глубоко вздохнул. Он смотрел не на меня, а сквозь меня, в вечность. Клянусь, в тот момент я увидела, как потускнели и погасли его глаза.

Отец схватил меня за руку – будто железный коготь сжал мое запястье. Я ойкнула, когда он поднял меня и шагнул к пропасти. Мои ноги оторвались от земли – я повисла в воздухе.

– Нет... нет! Посмотри на меня, Николаос, – взывала мать. – Еще не поздно. Посмотри на меня!

– Отец, – всхлинула я.

– Прости меня, – глухо произнес он и разжал пальцы.

Мой отец, мой герой сделал свой выбор и швырнул меня в пропасть.

Мои руки хватались за воздух. Я летела вниз, а в ушах у меня звенел душераздирающий крик матери. На несколько мгновений мое тело стало невесомым. Я падала вместе со снежинками. А потом все кончилось.

Я очнулась, вернувшись из небытия. Меня разбудило тонкое попискивание. Кто-то тыкался мне в лицо. Я открыла глаза. В вышине мелькали молнии. Редкие ледяные крупинки долетали оттуда и падали мне на лоб. А здесь, на дне пропасти, царила жуткая тишина. Может, я уже превратилась в тень, и это – первые мгновения моей вечной жизни?

Надо мной склонилась птичья головка. Белая, с серыми ободками вокруг глаз. Жалкое создание. Птица снова меня клюнула. Я пригнула голову, уворачиваясь от клюва. Подо мной что-то хрустнуло и сдвинулось. Плечи и ногу пронзила жуткая боль. Тени не знают боли. Значит, падая в пропасть, я каким-то образом уцелела. Я села. Птенец неуклюже карабкался по моему бедру. Пятнистый орленок. Я подняла малыша и, качая на ладонях, заплакала, страстно желая проснуться от этого кошмара. Глаза свыклись с темнотой, и я увидела, на чем лежу. Все вокруг было усеяно человеческими костями. Мне зловеще улыбались пробитые и сломанные черепа. На каменных выступях застыли ребра с кусками лохмотьев. Я похолодела от ужаса, сообразив, что почти все черепа и скелеты принадлежали младенцам. Сюда сбрасывали ущербное потомство Спарты: тех, кто родился слишком слабым или больным и, по мнению старейшин, не имел права на жизнь.

– Алексис, – всхлипывала я, зная, что и его тельце должно находиться где-то поблизости. Мне хотелось убаюкать мертвого брата. – Алексис, где ты?

Опустив птенца на пол, я перевернулась на живот и, стараясь не нагружать пострадавшую ногу, на ощупь выползла из этого склепа. И вдруг мои руки натолкнулись на что-то мягкое и теплое.

– Алексис, – с новой силой зарыдала я.

Вспышка молнии, достигнув дна, осветила искалеченный труп эфора. Судя по гримасе на лице, он умер с криком на губах. Ему снесло затылок, отчего его лысый череп напоминал теперь скорлупу выведенного яйца. Я в ужасе отпрыгнула, схватив чью-то кость, словно нуждалась в оружии для защиты от мертвого негодяя. Но кость оказалась... полукопьем Леонида.

Я смотрела на острие копья: выброшенная из привычной жизни, растерянная, полная ненависти. Как в тумане, я ковыляла среди костей, ища тело Алексиса... пока не услышала хруст, донесшийся откуда-то поблизости, и не увидела высокую тень. Сюда кто-то шел. Если меня найдут и узнают, что я чудом уцелела, эти люди «исправят ошибку». И потому я схватила орленка и бежала... Из Спарты. От прошлого и всех его ужасов.

Волк Спарты удивленно вскинул руки, чтобы остановить метнувшуюся к нему дочь.

– Как такое может быть? – недоумевал он.

Кассандра ответила молниеносной атакой, нацелив полукопье в горло своего противника. Волка спасла лишь спартанская выучка. Выхватив из нарукавника короткий меч, он отразил удар полукопья. Волк покачивался, стоя на краю отвесной скалы. Спартанский лагерь находился за спиной Кассандры. За спиной ее противника был обрыв. А над головой – непрекращающиеся раскаты грома.

– Зевс мне помогает, – прорычала молодая женщина. – Вздумаешь позвать на помощь, все равно никто не услышит.

Волк размахивал руками, пытаясь удержать равновесие. Подлетевший Икар вырвал меч из его рук.

Волк шумно вздохнул, накренившись в сторону обрыва. У подножия скалы бурлила вода. Кассандра схватила отца за горло. Лезвие копья было нацелено ему в бок.

– А теперь, Волк, я восстанавливаю справедливость, – бросила Кассандра, еще немного подталкивая своего противника к обрыву.

– Что ж, убей меня, – надтреснутым голосом произнес Волк. – Но прежде ты должна кое о чем узнать. Я любил тебя и твоего брата, как своих детей, хотя и не был вашим настоящим отцом.

К буре, бушевавшей вокруг, добавилась буря в душе Кассандры.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила она, и из-под наконечника копья, приставленного к боку Волка, показалась кровь.

– Об этом тебе надлежит спросить у своей матери.

– Мать... жива? – едва смогла выдавить из себя ошарашенная Кассандра.

Николаос едва заметно кивнул:

– Мы потеряны друг для друга, но она жива. Тем же вечером она бежала из Спарты. Куда – не знаю. Разыщи ее, Кассандра. Она наверняка тебе расскажет, что я до сих пор не простил себе случившееся. Но будь осторожна на каждом шагу, – прохрипел он, и его глаза заблестели. – Берегись змей в траве.

Волк схватил Кассандру за правую руку и еще глубже вонзил копьё себе в бок.

– Теперь... заканчивай начатое.

Молния полыхнула во все небо, на бронзовой поверхности коринфского шлема Кассандра увидела собственное отражение. Лед сковал ей сердце. Молодая женщина разжала пальцы левой руки, остававшейся на горле Волка, напрягла правую, и насквозь пронзила копьем тело своего «отца». Ключ к свободе от двадцатилетнего заточения на проклятом острове наконец был почти у нее в руках.

5

Портовый город Кирра изнемогал от июньской жары. Морская гладь превратилась в слепящее зеркало, и даже окрестные белесые горы сверкали на беспощадном солнце. Тропы, опоясывающие склоны гор, пестрели паломниками. Они неустойчиво поднимались по склонам, держа путь в соседние Дельфы, чтобы посетить тамошнего оракула – пифию, хранительницу мудрости Аполлона и прорицательницу, известную всей Элладе.

Яркие краски Киррейской гавани странным образом гармонировали со множеством оттенков зловония. Водное пространство вблизи берега было плотно забито сотнями покачивающихся плотов, кораблей, яликов и прочих лодок. У причала для частных судов только что остановилась небольшая галера. Матросы торопливо промчались по палубе и взобрались на мачту, сворачивая парус с изображением жуткой головы горгоны Медузы. По сходням других кораблей, распевая гимны и толкая друг друга, спускались паломники. Оказавшись на берегу, многие застывали и изумленно разевали рты. Торговцы на все лады уговаривали прохожих купить у них «священные» статуэтки и разные безделушки. Местная ребятня скакала с плота на плот, предлагая измученным жаждой путешественникам прохладительные напитки. Неумолчно звонили колокола, в воздух поднимались столбы дыма от сжигаемых благовоний. Прибывшие в гавань торопились поскорее миновать запруженные народом улочки и выйти на тропу паломников.

Среди людского потока, захлестывающего причал, двигался паланкин. Его стенки были обиты золотистыми тканями, а сам он напоминал лодку, плывущую вверх по течению. Внутри восседал Элпенор – человек жестокий; из тех, кто наслаждается, глядя, как страдают его друзья. Рука Элпенора то и дело приподнимала тугой мешочек, набитый монетами. Их хозяин решал, куда выгоднее вложить эти деньги. Возможно, в рыболовство. Эта сфера его занятий непрерывно разрасталась.

– Можно прикупить три лодки для моего флота, – вслух рассуждал он. – А можно... заплатить беззубому портовому отребью, и они потопят двенадцать судов Дракона.

Дракон был его лучшим другом детства. Жена и дочери Дракона привыкли звать Элпенора «дядюшкой». В прошлом семья Дракона бедствовала, почти нищенствовала. Элпенору доставляло удовольствие подкинуть им несколько монет из своих заработков. Однако радовала его не возможность помочь другу, а сознание своей власти над ним. Не будь этих нескольких монет, семья Дракона ложилась бы спать голодной. Элпенор чувствовал себя богом, управляющим судьбой этих людей, и осознание данного факта приятно будоражило его злобную душу.

Но однажды жизнь Дракона изменилась в лучшую сторону. Он наткнулся на место, где в изобилии водились морские лещи. Месяц за месяцем он отправлялся туда на своем жалком ялике и возвращался со сказочными уловами. У Дракона появилась новая лодка, затем другая, третья. Теперь на лов морского леща выходила целая флотилия. Дракон направо и налево хвастался своим флотом и богатством, какое приносили ему двенадцать лодок. Естественно, в помощи Элпенора он больше не нуждался.

– Решение принято, – язвительно улыбнулся Элпенор. – Надеюсь, Дракон, ты умеешь плавать.

Его ноздрей достиг запах луковой отрыжки и немытых ног. Элпенор брезгливо поморщился. Зловоние исходило от полуголых паломников. Они стояли возле таверны, грубо хохоча над такими же грубыми шутками. «Что вы тут разорались? – мысленно выругал их Элпенор. – Отправляйтесь на гору, вопрошайте оракула и катитесь отсюда на все четыре стороны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.